

**МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН**

**УЗБЕКСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ МИРОВЫХ
ЯЗЫКОВ**

На правах рукописи

КАЛБАЕВА НАСИБА ГЕНЖЕБАЕВНА

КОНЦЕПТ STUPID В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание степени магистра филологии

Специальность: 5А – 120102

Лингвистика (английский язык)

Работа рассмотрена и
допускается к защите
зав. кафедрой к.ф.н., доцент
Галиевой М.Р.

Научный руководитель:
к.ф.н., доц. Жураев Б.А.

« ____ » _____ 2014г

Ташкент 2014

Оглавление

Введение.....	3
Глава I. Когнитивный подход к анализу концепта <i>stupid</i>	
1.1. Две основные ветви когнитивной лингвистики: когнитивная семантика и когнитивная грамматика.....	5
1.2. Когнитивная грамматика и моделирование системы языка.....	6
1.3. Использование языка как линзы в исследовании когнитивных явлений в когнитивной семантике.....	15
Глава II. Методы и приемы лингвокогнитивных исследований	
2.1. Спектр подходов лингвокогнитивных исследований.....	34
2.2. Лингвокогнитивный и лингвокультурологический подходы в анализе концепта	35
2.3. Формы концептуализации действительности	43
2.4. Концептуальный анализ языка.....	44
Глава III. Концепт <i>stupid</i> на лексическом уровне языка	
3.1. Лексико-семантическая репрезентация концепта <i>stupid</i> в английском языке.....	50
3.1.1. Вербализация английского <i>stupid</i> прилагательными и существительными.....	51
3.1.2. Репрезентация английского <i>stupid</i> наречиями и глаголами.....	55
3.2. Формирование узбекского <i>бефаҳм</i> прилагательными и существительными.....	67
3.3. Исследование семантики языковых единиц, выраженных наречиями, объективирующие узбекский концепт <i>бефаҳм</i>	74
Заключение.....	75
Библиография.....	79

Введение

В Национальной программе подготовки кадров Узбекистана указывается, что развитие науки в целом и лингвистической науки, в частности, связано не только с решением актуальных проблем науки, но и с вопросами внутренней и внешней политики государства (Kadrlar tayyorlash milliy dasturi: Toshkent 1997, стр.35).

Актуальность работы обусловлена важностью выявления когнитивных структур, лежащих в основе речемыслительной деятельности человека. При этом исследование языковых средств объективации концептов является одним из наиболее эффективных средств проникновения в концептосферу носителей языка с целью выявления ее специфических черт, осмысления миропонимания и поведения людей.

Целью работы является выявление структуры и содержания концепта *Stupid* в английском языковом сознании посредством анализа объективирующих его языковых средств.

Задачами исследования являются:

- 1) выявление языковых средств, объективирующих концепт *Stupid* в английском языке;
- 2) когнитивная интерпретация результатов исследования языковых средств;
- 3) построение модели концепта *Stupid*.

Материалом исследования явилась совокупность языковых образований, включающая более 31 лексических единиц, объективирующих изучаемый концепт.

Источники материала: толковые, этимологические, частотные, семантические и тематические словари английского языка.

Методы исследования включали: концептуальный и компонентный анализ. Экспликация когнитивных признаков исследуемого концепта, формирующих основные структурные элементы концепта, проводилась путем толкования актуальных речевых смыслов употребления конкретных

лексем-репрезентантов. Структурирование концепта осуществлялось путем когнитивной интерпретации объективирующего его лексического поля.

Новизна работы связана с выбором объекта исследования и средств его изучения. Концепт *Stupid* рассмотрен как совокупность взаимосвязанных когнитивных структур, характеризующих его статическую, динамическую, психологическую и другие компоненты, выявлено специфичное сочетание полевой организации строения концепта с наличием многомерной системы связей между структурообразующими элементами.

Теоретическая значимость выполненного исследования заключается в комплексном описании одного из наиболее ярких и важных концептов - концепта *Stupid*. Его исследование и реализация в различных лексикографических источниках и различных типах дискурса позволило по-новому высветить теоретические проблемы, связанные с функционированием концептов в разном окружении. Назовем их: 1) проблема варьирования концептов в зависимости от тех источников, в которых они представлены; 2) проблема трансляции концепта из одного текста в другой; 3) проблема взаимоотношения языка и мышления. Теоретически значимым является обобщение лингвокультурологической и лингвокогнитивной концепций, многообразие используемых методик в анализе концептов ограниченной ментальной способности человека.

Практическая значимость работы связана с возможностью применения результатов исследования при подготовке пособий и чтении спецкурсов по когнитивной лингвистике, лексикологии, лексикографии и общему языкознанию.

Глава I Когнитивный подход к анализу концепта *Stupid*

Когнитивная лингвистика является подходом, со своими постулатами и руководящими принципами. Мы проследим некоторые из основных предположений, которые делают когнитивную лингвистику жизнеспособной. Мы также попытаемся представить основные направления исследований и построения теории, характеризующие когнитивную лингвистику как одну из самых интересных и перспективных школ мысли и практики в современной когнитивной науке.

1.1. Две основные ветви когнитивной лингвистики: когнитивная семантика и когнитивная грамматика.

Когнитивная лингвистика характеризуется двумя фундаментальными направлениями (Лакофф, 1990). Они лежат в основе ориентации и подхода, принятые когнитивными лингвистами и предположения и методики, используемые в двух основных ветвях когнитивной лингвистики: когнитивной семантики и когнитивной грамматики.

Представители когнитивной семантики используют язык как линзу, через которую эти когнитивные явления могут быть исследованы. Следовательно, исследования в когнитивной семантике, как правило, заинтересованы в моделировании человеческого разума так же, как она связана с исследованием лингвистической семантики. Когнитивная грамматика занимается моделированием системы языка (ментальная 'грамматика'), а не природой ума само по себе. Тем не менее, она занимается этим, принимая в качестве отправной точки выводы работ в когнитивной семантике. Из этого следует, что значение занимает центральное место в когнитивной грамматике.

Ученые, такие как Р. Лангакер (например, 1987, 1991a, 1991b, 1999) подчеркивали, что изучение когнитивных принципов приводит к лингвистической организации. В своей теории когнитивной грамматики Р.

Лангакер пытался очертить принципы этой структуры и соотнести их с аспектами общего познания.

Второе направление исследования, представителями которой являются в том числе и Филлмор и Кей, Лакофф, Голдберг, призвано обеспечить более описательно и формально подробное представление о языковых единицах, которые составляют определенный язык.

Эти исследователи пытаются обеспечить широкомасштабную инвентаризацию единиц языка, от морфем и слов, идиом и фраз, композиционные возможности, и их отношения. Исследователи, преследуемые эту линию разрабатывают теории, которые все вместе известны как строительные грамматики.

1.2. Когнитивная грамматика и моделирование системы языка

Когнитивные лингвисты, изучающие грамматику как правило, имеют разнообразный набор инструментов. Некоторые когнитивные лингвисты в основном касаются выяснения познавательных механизмов и принципов, которые, возможно, объясняют свойства грамматики, как Р. Лангакер, который разрабатывает в своей высокой степени детализированной теории когнитивной грамматики, и как Л. Талми поступает в разработке своей модели. Другие в первую очередь касаются характеристик и разграничения языковых единиц или конструкций, которые популяризируют грамматику; теории такого рода называются структурными грамматиками.

Наконец, когнитивные лингвисты, которые фокусируют внимание на грамматических изменениях, для объяснения процесса грамматикализации, в результате чего элементы открытого класса постепенно превращаются в элементы закрытого класса. Эти различные пути исследования объединяются определенными общими предположениями, которые мы кратко изложим в этом разделе. Таким образом, мы назовём два руководящих принципа, которые лежат в основе когнитивного подхода к грамматике.

Когнитивные подходы к грамматике принимают форму когнитивной семантики, и строят модель лингвистических знаний грамматики, что согласуется с предположениями и выводами когнитивной семантики. В дополнение к этому, два руководящих принципа когнитивных подходов в грамматике это: 1) символический тезис и 2) тезис использования на основе (базе).

Символический тезис утверждает, что фундаментальная единица грамматики является одной из форма - образующей парой, или языковая единица (называемый Р. Лангакером в когнитивной грамматике "символическим ансамблем", или «конструкцией» в структурной грамматике). С точки зрения Р. Лангакера, символическая единица имеет два полюса: семантический полюс (его значение) и фонологический полюс (его звук). Его идея, что язык имеет символическую функцию, и что фундаментальная единица грамматики является символическим блоком, имеет свои корни в теории языка Ф. Соссюра.

Центральное место в теории Ф. Соссюра является мнение, что язык является символической системой, в которой языковое выражение (знак) состоит из соответствия между концептом (означиваемым) и звуковым сигналом (означивающим), где оба они, означиваемое и означивающее, являются психологическими единицами. Хотя существуют большие различия между работой Ф. Соссюра и подходом, принятым в когнитивной лингвистике, когнитивный подход принимает идею соссюровского символа. В когнитивном подходе семантический полюс соответствует «означиваемому» и фонологический полюс – «означивающему». Они являются «психологическими единицами» в том смысле, что они принадлежат в ментальной системе лингвистических знаний (грамматике) в сознании говорящего. Отсюда следует, что когнитивные подходы в грамматике не ограничиваются исследованием аспектов грамматической структуры, в значительной степени независимо от смысла, как это часто

наблюдалось в традиционном языкознании. Вместо этого когнитивные подходы к грамматике охватывают весь перечень языковых единиц, определенных как формообразующих пар. Они охватывают весь диапазон от скелетных синтаксических конфигураций, таких как дитранзитивные конструкции (например, выраженные в *John baked Mary a cake* (Джон испёк Мэри торт) до идиом (как *kick the bucket* (сдохнут), чтобы связывать морфемы, скажем суффиксом *-er*, в слова. Это влечет за собой то, что достигнутая точка зрения четко различающихся «суб - модулей» языка не может быть осмысленно поддержана в когнитивной лингвистике, где нет четкой границы между когнитивной семантикой и когнитивных подходов к грамматике. Вместо этого, значение и грамматика считаются взаимозависимыми и взаимодополняющими. Следовать когнитивному подходу в грамматике означает изучать единицы языка, и, следовательно, саму языковую систему. Следовать когнитивному подходу в семантике значит пытаться понять, как эта языковая система соотносится с концептуальной системой, которая в свою очередь, связана с воплощённым опытом.

Принятие символического тезиса имеет важное следствие для когнитивного подхода в грамматике. Потому что основной единицей является языковая или символическая единица, значение достигает центрального статуса. То есть, так, как основная грамматической единицей является символическая единица, то форма не может изучаться независимо от значения. Это влечет за собой то, что изучение грамматики с когнитивной точки зрения, является изучением всего спектра единиц, которые составляют язык, от лексической до грамматической. Например, когнитивные лингвисты утверждают, что грамматическая форма в предложении спарена с собственным (схематическим) значением тем же способом, как такие слова, как *cat*, представляют спаривание формы и смысла.

Та идея, что грамматические единицы по своей природе имеют смысл, является важным для когнитивного подхода в грамматике, и приводит к идее лексико - грамматического континуума, в котором смысловые слова такие, как *cat* и грамматические конструкции такие, как пассивные или дитранзитивные, считаются символическими единицами, но отличаются по качеству потенциала смысла, связанные с ними.

Тезис, основанный на использовании считает, что ментальная грамматика говорящего (его или ее знание языка) образуется в результате абстракции от символических единиц на основе использования примеров языка. Важное следствие принятия тезиса на основе использования в том, что нет никакого принципиального различия между знанием языка и использованием языка, так как знание языка является знание того, как используется язык. Тезис на основе использования является центральным не только для познавательных подходов в грамматике, но и для подходов к языковому изменению и овладению языком, которые имеют когнитивную языковую перспективу.

В этом разделе мы рассмотрим некоторые из основных теоретических подходов в когнитивной лингвистике, которые сосредоточены на языке как системе знаний ('грамматики'). Конечной целью когнитивной теории в грамматике является моделирование знания языка говорящего-слушающего в отношениях, которые согласуются с двумя ключевыми обязательствами, лежащие в основе когнитивной лингвистики, обобщение и когнитивные обязательства, обсуждённые ранее. С этой точки зрения, язык возникает из общих когнитивных механизмов и процессов.

Модель грамматики, разработанный Л. Талми (например, Talmy, 2000), предполагает, что символический тезис и, как и другие когнитивные подходы в грамматике, рассматривает грамматические единицы по своей сути имеющие смысл (значение). Тем не менее, модель Л. Талми отличается

своим акцентом на качественном различии между грамматическими (закрытый класс) и лексическими (открытый класс) элементами. Действительно, Л. Талми утверждает, что эти две формы языкового выражения представляют собой две различные концептуальные подсистемы, которые кодируют качественно различные аспекты концептуальной системы человека. Это грамматическая подсистема и лексическая подсистема. Для Л. Талми, в то время как элементы замкнутого класса кодируют схематическое или структурное значение, элементы открытого класса кодируют значения, которые гораздо богаче по содержанию. В своей исследовательской работе Л. Талми в первую очередь интересуется разграничение природы и организации грамматической подсистемы. В частности, Л. Талми занимается установлением природы и функции концептуальной структуры подсистемы, которая должна подсказывать, что концептуальная структура кодируется элементами замкнутого класса.

Для Л. Талми этот вопрос является особенно важным так, как в принципе, язык сам мог бы функционировать с лексической или концептуальной системой значения. Тот факт, что языки не устанавливают различия в терминах соответствующих вкладов двух подсистем в кодировании и воплощении нашей когнитивной репрезентации, является особенно интересным. Потому, что Л. Талми предполагает раздвоение концептуальной системы на две подсистемы, его когнитивная модель грамматики больше внимания уделяет системе замкнутого класса, чем системе открытого класса.

Согласно Л. Талми, подсистема закрытого класса семантически ограничена и имеет функцию структурирования, в то время как подсистема открытого класса семантически неограничена имеет функцию обеспечения концептуальным содержанием. Чтобы проиллюстрировать ограниченный характер системы замкнутого класса, Л. Талми отмечает, что в то время как многие языки имеют номинальные флексии, которые указывают на число, ни

один язык не имеет номинальные флексии, которые указывают цвет. Например, многие языки имеют грамматическую аффикс, как аффикс множественного числа - *s* в английском языке, но нет языка грамматическим аффиксом обозначения, скажем, *redness* (краснота). Кроме того, грамматическая система отражает ограниченный круг концептов в рамках соответствующего домена. Например, система грамматического числа может отражать такие концепты, как «единственное число», «множественное число», но не такие концепты, как «миллионы» или «двадцать семь». Л. Талми объясняет такие ограничения посредством наблюдения, что грамматические категории обнаруживают топологические, а не евклидовские свойства. Другими словами, значение, кодируемое элементами замкнутого класса, остается постоянным, несмотря на контекстуальные различия, связанные с размером, формой и так далее. Например, демонстративный определитель *that* в выражениях *that book in your hand* и *that city* кодирует расстояние от говорящего независимо от пространства этого расстояния. Как эти примеры иллюстрируют, функция грамматической системы замкнутого класса должна обеспечивать 'урезанную' или высшей степени абстрактную концептуальную структуру.

Эта структура обеспечивает «подмости (базу)» или «скелет», над которым элементы из лексической системы открытого класса располагаются, в целях обеспечения богатого и специфического концептуального содержания. Л. Талми утверждает, что пока нет описи (инвентаря) концептов, выражаемые формами открытого класса, что никогда не может быть указан (потому что нет никакого предела человеческого опыта, знаний и пониманий), есть ограниченный перечень концептов, выражаемых посредством формами закрытой класса. Каждый отдельный язык имеет доступ к этой инвентаризации, но из этого не следует, что любой язык будет использовать все имеющиеся возможности. Таким образом, одним из основных завоеваний работ Л. Талми является предоставление описательно

адекватного учета основных смысловых содержаний, связанные с грамматической подсистемой. Он делает это путем определения (идентификации), что он обращается к схематическим системам, в рамках которых элементы закрытого класса появляются в кластере. Эти системы включают в себя (по крайней мере) конфигурационную систему, систему внимания, перспективную (предвидящую) систему и систему силовой динамики. Таким образом, подход Л. Талми представляет собой попытку охарактеризовать этот аспект нашей когнитивной репрезентации, которая кодируется подсистемой закрытого класса, и описать, как эта система организована.

Когнитивная грамматика является теоретической основой, которая разрабатывалась Р. Лангакером с середины 1970-х годов, и лучше всего представлена в двух томах его книги *Foundations of Cognitive Grammar*, изданных в 1987 и 1991 годах. Это также возможно, что это наиболее подробная и всеобъемлющая теория грамматики, разработанная в рамках когнитивной лингвистики, и до настоящего времени является самой влиятельной.

Р. Лангакер своим подходом делает попытку смоделировать когнитивные механизмы и принципы, которые мотивируют и узаконивают формирование и использование символических единиц различной степени сложности. Как Л. Талми, Р. Лангакер утверждает, что грамматические единицы или единицы закрытого класса являются по своей сути имеют значения. В отличие от Л. Талми, он не считает, что единицы открытого класса и закрытого класса представляют различные концептуальные подсистемы. Вместо этого, Р. Лангакер утверждает, что оба типа единиц, относятся к единой структурированному инвентарю стилизованных языковых единиц, которая представляет знание языка в сознании говорящего. Соответственно, грамматическая модель Р. Лангакера имеет более широкий фокус, чем Л. Талми.

Для Р. Лангакера, знание языка (ментальная грамматика) представлено в сознании говорящего как инвентаризация символических единиц (Р. Лангакер, 1987, с. 73). Стоит только раз использовать выражение и затем достаточно часто и оно укореняется (приобретение статуса привычки или когнитивной рутины), что оно становится единицей. Отсюда просматривается такая перспектива, что символическая сущность, которая не построена композиционно системой языка, а хранится и является доступной в целом. Кроме того, символические единицы в грамматике говорящего условны (обусловлены). Обусловленность языковых единиц относится к идее, что языковые выражения становятся частью грамматики языка в силу того, являются членами языкового сообщества. Таким образом условность это вопрос степени. Например, такое выражение, как *dog* (собака) является более обусловленным (воспринимаемое большим количеством членов англоговорящих), чем выражение типа *allophone* (аллофон), который является знакомым только некоторыми англоговорящими лицами, обладающими специальными знаниями, касающейся изучению лингвистики. Роль устоявшихся и условных в этой модели грамматики возникает из тезиса использования на основе (Р. Лангакер, 2000).

Символические единицы могут быть простыми или сложными с точки зрения их символической структуры. Например, простая символическая единица как морфема может иметь сложную семантическую или звуковую структуру, но симплекс с точки зрения символической структуры, если она не содержит меньшие символические единицы, как свои подразделы. Слово *dog* (собака) и показатель множественного числа – *s* являются примерами симплексных символических единиц. Сложные единицы варьируются в зависимости от уровня сложности, от слов (например, *dogs* (собаки) и фраз (например, *John's brown dog* (коричневая собака Джона) до целых предложений (например, *Geoff kicked the dog* (Джефф пнул собаку). Р. Лангакер относится к сложным символическим единицам как конструкциям.

Хранилище устоявшихся символических единиц задумано Р. Лангакером как ментальный инвентарь. Тем не менее, содержимое этого инвентаря не хранится (не собирается) случайным образом. Инвентарь структурирован, и эта структура базируется на отношениях, которые поддерживают между собой единицы. Например, некоторые единицы образуют подединицы других единиц, которые, в свою очередь, образуют подединицы других единиц (например, морфемы составляют слова и слова составляют фразы, которые в свою очередь составляют предложения). Этот набор взаимосвязанных и пересекающихся отношений задуман как сеть .

Есть три вида связи, которые поддерживаются между членами сети: (1) символизация – это символические связи между семантическим полюсом и фонологическим полюсом; (2) категоризация, например, связь между выражениями *rose* и *flower* (роза и цветок), учитывающая, что *rose* (роза) является членом категории *flower* (цветок), и (3) интеграция (соотношение между частями комплексной символической структуры, как *flower-s*).

Как ограничения на модели, Р. Лангакер (1987, с 53-54) предлагает требование к содержанию. Это требование считает, что только следующие структуры допускаются: (1) фонологические, семантические и символические единицы; (2) отношения, которые поддерживаются между ними (описано выше), и (3) схемы, которые представляют эти единицы. Это требование исключает абстрактные правила из модели. Вместо этого, знание лингвистических образцов (моделей) понимается из схем.

Конструктивные подходы в грамматике основаны на наблюдении, что смысл из целого высказывания больше сочетание слов он содержит – значение целого больше, чем значения частей (Лакофф , 1977). Есть (по крайней мере) четыре основные разновидности конструктивного подхода в грамматике. Первым из них является теория называется конструктивная грамматика, который был разработан Ч. Филмором, П. Кей и их коллегами

(например, Филлмор и др. 1988).. Хотя эта теория широко генеративная в ориентации, однако она устанавливает сцену для развития когнитивных реалистичных теорий конструктивной грамматики, которая приняла центральный тезис подхода Филмора и Кея.

Этот тезис занимает ту позицию, при которой грамматика может быть смоделирована конструкциями, нежели «словами и правилами». В частности, конструктивная грамматика мотивируется тем фактом, что некоторые сложные грамматические конструкции (например, идиомы, как *kick the bucket* (сдохнут) имеют смысл, который не может быть предсказан на основании их единиц и поэтому могут «храниться целым значением», а не «строиться с нуля».

1.3.Использование языка как линзы в исследовании когнитивных явлений в когнитивной семантике

Представители когнитивной семантики используют язык как линзу, через которую эти когнитивные явления могут быть исследованы. Следовательно, исследования в когнитивной семантике, как правило, заинтересованы в моделировании человеческого разума так же, как она связана с исследованием лингвистической семантики.

Мы индивидуально воспринимаем окружающий нас мир. Другими словами, наше конструирование "реальности" опосредовано, в значительной мере, зависит от нашей индивидуальности. Одним из примеров того, каким образом воплощение влияет на характер опыта в области цвета. В то время как зрительная система человека имеет три вида фоторецепторов (т.е. цвет каналов), другие организмы часто имеют разное количество. Например, зрительная система белки, кролика и, возможно, кошек, делает использование двух цветовых каналов, в то время как другие организмы, в том числе золотых рыбок и голубей, имеют четыре цветовых каналов. Имея широкий диапазон различных цветовых каналов влияет на наше опыт цвета с точки зрения цветовой гаммы доступных нам по цветовой гамме. Некоторые

организмы могут видеть в инфракрасном диапазоне , например, гремучие змеи , которые охотятся ночью и могут визуально обнаружить тепло , выделяемые другими организмами. Люди не в состоянии видеть в этом диапазоне. Природа нашего зрительного аппарата - один из аспектов нашей индивидуальности - определяет характер и спектр нашего визуального опыта.

Характер связи между воплощенным познанием и языковым значением является спорным. Очевидно, что воплощение познанного, скажем, какие цветовые термины конкретный язык будет, и будут ли говорящие на этом языке будут использовать (Saunders, B. 1995; Wierzbicka, A. 1996). Тем не менее, интерес к изучению этого соотношения является важным аспектом той точки зрения когнитивной лингвистики.

Тот факт, что наш опыт воплощен - то есть, структурирован частично по характеру органов, которые у нас есть и нашим неврологической организацией - имеет последствия для познания.

Мы можем говорить только о том, что мы можем воспринимать, и все, что мы можем воспринимать вытекает из воплощенного опыта. С этой точки зрения, человеческий разум должен нести на себе отпечаток воплощенного опыта. Этот тезис, центральное место в когнитивной семантике, известен как тезис, воплощенного познания. Эта позиция утверждает, что концептуальная структура (природа человеческих понятий) является следствием природы нашей индивидуальности.

Семантическая структура является концептуальной структурой.

Второй руководящий принцип утверждает, что язык относится к концепции в сознании говорящего, а не, непосредственно, и к объектам реального внешнего мира. Другими словами, семантическая структура (значения условно связаны со словами и других языковых единиц) могут быть приравнены к концептуальной структуре (то есть, понятию).

Этот взгляд соответствует денотативному. Представители когнитивной семантики иногда называют объективистской семантикой, о чем свидетельствуют некоторые формальные подходы в семантике.

Однако, утверждение, что семантическая структура может быть приравнена к концептуальной структуре не означает, что они являются идентичными. Вместо этого, сторонники когнитивной семантики утверждают, что значения, связанные с лингвистическими единицами, такими как слова, формируют только множество возможных концепций. В конце концов, у нас есть много идей их кодирования в языке. Например, как Р. Лэнкер (Langacker, R. 1987) отмечает, у нас есть понятие (концепт) о месте на нашем лице ниже нашего носа и выше нашего рта, где усы растут. Мы должны иметь понятие этой части лица, чтобы понять, что волосы, которые растут там, назовем усами. Тем не менее, нет английского слова, которое обычно кодирует это понятие (концепт). Отсюда следует, что множество лексических понятий, семантические единицы традиционно связанные с языковыми единицами, такими как слова (см. Evans , 2004, 2006; Evans, V. & Green , 2006), являются лишь частью полного набора понятий в сознании говорящего – слушателя.

Третий руководящий принцип гласит, что семантическая структура носит энциклопедический характер. Это означает, что лексические понятия не представляют аккуратно упакованные пучки смысла. Скорее, они служат в качестве " точек доступа " к обширному хранилищу знаний , относящихся к определенной концепции или концептуальной области (например, Langacker , 1987).

В качестве примера возьмем слово *safe* (безопасный). Оно имеет ряд значений, и тот смысл, который мы выбираем возникает как следствие контекста, в котором встречается слово. Чтобы проиллюстрировать это ,

рассмотрим примеры в (1), обсужденные Фоконье и Тернер (2002), по сравнению с контекстом с ребенком, играющего на пляже.

1. a. The child is safe. (ребенок находится в безопасности).

б. The beach is safe. (пляж является безопасным).

с. The shovel is safe (лопата является безопасной).

Из контекста ясно, что ребенку они не нанесут какого-либо вреда.

Тем не менее, (1б) не означает, что пляж не причинит вред. С точки зрения когнитивной лингвистики, это означает, что пляж представляет собой среду, в которой риск вреда ребенку сводится к минимуму.

Аналогично, (1с) не означает, что лопата не причинит вред вообще, а что это не причинит вред ребенку. Эти примеры показывают, что нет одного фиксированного смысла, который обеспечивает безопасность ребенку. Для того чтобы понять, что говорящий имеет в виду, мы обращаемся к нашим энциклопедическим знаниям, касающиеся детей, пляжей и лопаты, и наши знания, связанные с понятием «быть в безопасности». Мы тогда можем 'построить' смысл на «выборе» смысла, который воплощается в контексте высказывания.

Четвертым руководящим принципом является то, что сам язык не кодирует значение. Вместо этого, как мы видели, слова (и другие языковые единицы) являются лишь «подсказками» для строительства смысла. Соответственно, значение строится на концептуальном уровне. Построение значения приравнивается к концептуализации, процесс, при котором языковые единицы служат запрашиваемым массивом концептуальных операций и набором базовых знаний. Значение это процесс, а не дискретная "вещь", которые могут быть "упакованы" в языке.

Теоретическая конструкция схемы изображения была разработана, в частности, Марк Джонсон. В своей классической книге 1987 г., *The Body in*

the Mind. М. Джонсон предложил путь при котором воплощённый опыт проявляется на когнитивном уровне имидж схемами. Это элементарные понятия, который является значимым, поскольку вытекает из допонятийного опыта человека. Это опыт восприятия окружающего мира напрямую опосредуется и структурируется в сознании человека. Эти понятия изображений, схематических бестелесных абстракций формируются, в значительной мере, из восприятия событий.

Психолог Жан Мандлер (например, 2004) сделал ряд предложений относительно того, как изображение схемы может возникнуть из воплощенного опыта. Начиная с раннего детского возраста дети учатся на объектах и пространственном опыте. Мандлер предполагает, что, внимательно наблюдая за объектами, дети могут абстрагироваться через них, выявляя значимые модели в этом процессе. Например, схема контейнер-изображение больше, чем просто пространственно - геометрическое представление. Это «теория» о том или ином виде конфигурации, в которой один объект является частью другого, который его содержит. Другими словами, контейнер схема имеет смысл, потому что контейнеры имеют смысл в нашем повседневном опыте. Лакофф (1987, 1990, 1993) и Джонсон (1987) утверждают, что рудиментарные воплощенные понятия такого рода предоставляют концептуальные строительные блоки для более сложных понятий, и может быть систематически расширена, чтобы обеспечить структуру для более абстрактного понятия и концептуального домена (области).

Жан Мандлер предполагает, что основные понятия о мире составляют основу семантической архитектуры ребенка, который уже складывается задолго до того, как ребенок начинает говорить (Mandler, 1992, с. 597). Теория схемы изображения представляет собой важной попыткой в составлении концептуальной структуры. Таким образом, она наиболее

прозрачно отражает тезис о воплощенном познании, и согласно первому принципу когнитивной семантики концептуальная структура воплощается .

Традиционная точка зрения в формальной лингвистике считает, что значение может быть разделена на компоненты словаря и энциклопедического компонента. Согласно этой точке зрения, только словарный компонент представляет изучение лексической семантики : раздел семантики, связанный с изучением значения слова. В противоположность этому, энциклопедические знания являются внешними по отношению лингвистических знаний .

Напротив, в когнитивной семантике, как правило, принимают энциклопедический подход к смыслу. Есть ряд предположений, которые составляют этот подход к семантике.

Нет принципиального различия между семантикой и прагматикой.

Во-первых, познавательная семантика отвергает идею о существовании принципиальной разницы между "ядром", с одной стороны, и прагматикой , социальной или культурной стороной смысла , с другой. Это означает, что когнитивная семантика не делает четкого различия между семантическими и прагматическими знаниями. Знание того, что слова означают и знания о том, как используются слова оба типа «семантического » знания.

Когнитивная семантика не постулирует автономию ментального лексикона, который содержит семантические знания отдельно от других видов (языковых или неязыковых) знаний. Отсюда следует, что не существует никакого различия между словарными знаниями и энциклопедическими знаниями: есть только энциклопедические знания, которые включает в категорию того, что мы могли бы думать как словарь знаний.

Бытует мнение, что есть только энциклопедические знания. Это не влечет за собой то, что знания, которые мы вложили в данное слово является неорганизованным, беспорядочным. Когнитивная семантика рассматривает энциклопедические знания как структурированную систему знаний, организованной в виде сети. Кроме того, не все аспекты знаний, которые, в принципе, доступны одним словом, имеют равное положение. Например, что мы знаем, что слово манго содержит информацию о его форме, цвете, запахе, консистенции и вкусе.

Энциклопедическое значение возникает в контексте использования, так что «отбор» из энциклопедического смысла связан с ситуативными факторами. Например, слово safe (безопасность) может иметь различные значения в зависимости от конкретного контекста использования. Слово safe может означать 'вряд ли причинит вред', когда используется в контексте ребенка, играющего с лопатой. В качестве альтернативы безопасности может означать 'вряд ли будет вредить', когда используется в контексте пляжа, который был огорожен от туристов.

По сравнению с представлением словарного смысла, который отделяет основной смысл (семантики) от непрофильного смысла (прагматики), энциклопедический вид выдвигает разные требования. Мало того, что семантика включает энциклопедические знания, но и формируется в контексте. Кроме того, значение слова "строится" на основе контекстной информации. С этой точки зрения, полностью указанные значения в собранном слово не существует, но выбираются и формируется из энциклопедического знания, который называются семантическим потенциалом (Эванс, 2006).

Энциклопедический подход рассматривает лексические единицы как точки доступа к энциклопедическими знаниями (Langacker, 1987). Соответственно, слова не контейнеры, которые представляют аккуратные

расфасованные пучки информации. Вместо этого, они избирательно предоставлять доступ к отдельным частям обширной сети энциклопедических знаний.

Наконец, в то время как центральное значение связано со словом и является относительно стабильным, энциклопедические знания, доступ к которым обеспечивает слово, являются динамичными. Рассмотрим лексический концепт car (автомобиль). Наше знание автомобилей продолжает изменяться в результате наших усилий, взаимодействия с автомобилями, нашей приобретения знаний об автомобилях, и так далее (Barsalou, 1999).

Есть две относительно хорошо разработанные теории энциклопедической семантики. Первым из них является теория фреймовой семантики, разработанная в серии публикаций Чарльз Филлмора (например, 1975, 1977, 1982, 1985; Филлмор & Аткинс, 1992). Вторая теория это теория доменов (областей знаний), разработанная Р. Лангакером.

Филлмор предлагает, что семантический фрейм есть схематизация опыта (структура знаний), которая представлена на концептуальном уровне, и которая ведет к долгосрочной памяти. Фрейм связан с элементами, ассоциируемые с определенными культурными сценами из человеческого опыта. Таким образом, слово не может быть понято независимо от фрейма, с которым он связан.

Теория доменов Р. Лангакера, подобно теории фреймовой семантики Ч. Филлмора, основана на предположении, что значение является энциклопедическим, и что лексические концепты не могут быть поняты вне зависимости от более крупных структур знаний. Р. Лангакера называет эти структуры знаний доменами.

Третье важное теоретическое развитие когнитивной семантики связано с теорией Дж. Лакоффа идеализированные когнитивные модели,

разработанной в его классической книге 1987г. *Women, Fire and Dangerous Things*. Подобно понятию Филмора семантического фрейма и доменов Лангакера, идеализированные когнитивные модели являются относительно стабильными базовыми структурами знания, в отношении которых лексические концепты соотнесены. Тем не менее, Лакофф был менее заинтересован в разработке подхода к энциклопедической семантики, а стремился решению проблем категоризации, которые вытекали из развития когнитивной психологии.

В 1970-х классическая теория категоризации, истоки которой начинались от древнегреческих философов, была поставлена под сомнение.

Новые идеи, которые способствовали этому развитию, возникли из исследования Элеоноры Рош и ее коллег о прототипах и исследований базового уровня категории (*Rosch, E. , 1975, 1977, 1978 ; Rosch & Mervis , 1975; Rosch и др., 1976*). Работа Э. Рош по категоризации, известная как теория прототипов, была по сути, рядом выводов, чем теорией представлений знаний, в котором просматривался новый взгляд на категоризацию. В той мере, как выводы привели к теории, Э. Рош предложила, что люди категоризируют не с помощью необходимых и достаточных условий классической теории, а со ссылкой на прототип, относительно абстрактной ментальной репрезентации, где объединяются ключевые признаки, которые лучше всего представляют экземпляры данной категории.

Утверждение, что категории структурированы по отношению к прототипам, или познавательных ориентиров, было основано на ряде экспериментальных результатов. Два самых ярких относятся к понятию, что много категорий, как представляется, нечеткие границы, и связанная с этим понятием эффектов типичности. С точки зрения нечеткости, рассмотрим категорию мебели. В то время как стол и стул явно экземпляры этой

категории, не совсем понятно, должны ли ковер считаться членом. Вместо того, резко очерченные границы, как предсказано классической точки зрения, человека предметы часто кажется, есть трудности судя, в какой категории различные физические артефакты принадлежат. Кроме того, эта трудность зависит от контекста, например, физической ситуации или как рассматриваемый объект который используется в данный момент времени.

Связанный с этим вопрос касается понятия прототипов или типичности эффектов. Например, в то время как люди судят стол или стул, как «хороших примеров " из категории мебели, ковер судить, как менее хорошим примером. Эти асимметрии между членами категории называют эффекты типичности.

Несмотря на раннее претензии Э. Рош, что концептуальные нечеткость и типичности эффекты являются результатом концептуальных прототипов, в более поздней работе она отступила от этой позиции.

" Тот факт, что прототипичности надежно рейтингу и коррелирует с категории структуры не имеет четких последствия для конкретных моделей обработки , ни для теории познавательных представлений категорий " (Рош , 1978 : 261).

Другими словами, в то время как эффекты типичности являются "реальным" в том смысле, что они являются эмпирические данные, из этого не следует, что эти результаты могут быть непосредственно ' переведены ' в теории , как категории представлены в человеческом сознании . Лакофф (1987) представляет собой важный попытка разработать теорию когнитивных моделей, которые могли бы правдоподобно объяснить последствия типичности, выявленных на Рош и ее коллег.

Лакофф утверждает, что классификация относится к идеализированным когнитивным моделям. Это относительно стабильные психические представления, которые представляют "теории" о мире.

Кроме того, идеализированные когнитивные модели направляют познавательные процессы, как категоризации и рассуждения. Лакофф утверждает, что эффекты типичности может возникнуть в диапазоне способами из ряда различных источников. Один из способов, в которых может возникнуть эффекты типичности связано с несоответствием между холодильников, против которых конкретные понятия понимаются.

Рассмотрим идеализированную когнитивную модель, с которой соотносится (имеет отношение, связан) концепт bachelor (бакалавр). Эта идеализированная когнитивная модель, скорее всего, включать в себя информацию, относящуюся к институту брака и стандарту брачного возраста. Это относительно этого идеализированные когнитивные модели, Лакофф утверждает, что понятие бакалавра понимается. Кроме того, поскольку фона фрейм определяется с помощью идеализированные когнитивные модели является идеализированной, она может лишь частично совпадают с другими когнитивных моделей. Таким образом, этот может привести к эффектам типичности.

Рассмотрим Pore (Папу) по отношению к категории bachelor (бакалавра). Хотя статус индивида, как бакалавр является ' все или ничего ' дело, потому что это понятие понимается по отношению к правовой институт брака, Папа , а строго говоря холостяком , оценивается как плохой пример данной категории. Теория Лакоффа счета для такого рода типичности эффекта следующим образом. Концепт the Pore (папа), прежде всего, понимать по отношению к идеализированной когнитивной модели католической церкви, чье духовенство не может вступать в брак ввиду существования запрета.

Очевидно, что имеется несоответствие между этими двумя когнитивных моделей. В идеализированной когнитивной модели, против которого бакалавра понимается, Папа ' строго говоря " холостяком, потому

что он не состоит в браке . Тем не менее, Папа не прототип холостяка , потому что Папа является чаще понимается по отношению идеализированной когнитивной модели католической церкви, где брак католического духовенства запрещен.

Есть целый ряд других способов, в которых, согласно Лакоффу, эффекты типичности возникают, в силу разного рода идеализированных когнитивных моделей людей имеют доступ к. Например, типичность эффект возникает, когда образцом (отдельный экземпляр) выступает за целой категории .

Явление, когда один концептуальный объект, выступает за другой называется метонимия, о котором речь пойдёт позже. Таким образом, типичности эффекты, которые возникают на этом пути связаны с тем, что Лакофф называет идеализированные когнитивные модели метонимическими.

Примером метонимической идеализированной когнитивной модели является культурным стереотипом домохозяйка - мать, в котором замужняя женщина не имеют оплачиваемую работу, но остается дома и заботится о доме и семье. Домохозяйка - мама стереотип может привести к эффектам типичности, когда он выступает за, или представляет, категорию мать в целом. Эффекты типичности возникают из в результате ожидания, связанные с членами категории матери. Согласно домохозяйка - мать стереотипа, матери воспитывать своих детей, и для того, чтобы сделать это они оставаться дома и заботиться о них. Работающая мать, напротив, это не просто мать, которая имеет работу, но и тот, кто не оставаться дома, чтобы ухаживать за своими детьми. Таким образом, домохозяйка - мать модель, метонимически представляющий категорию мать в целом, служит частью, чтобы определить другие экземпляры категории, такие как работа матери, которая, таким образом, возникает как не прототип члена категории .

Работа Лакоффа по идеализированным когнитивным моделям важна в ряде отношений. Например, воплощает в себе два ключевых обязательства когнитивной лингвистики: обязательство обобщения и когнитивное обязательство. Лакофф взял то, что было тогда относительно новым набором выводов в когнитивной психологии и стремились разработать модель языка, который был совместим с этими выводами. В попытке смоделировать принципы языка с точки зрения выводов когнитивной психологии, Лакофф оказался разработке и применении принципов, которые являются общими как для языковых и концептуальных явлений, которые, таким образом, заложены важные основы когнитивного подхода к языку.

Одним из важных последствий теории Лакоффа из идеализированных когнитивных моделей стало толчком она предоставила в когнитивной семантике решение проблемы значений слов в области, известном как когнитивная лексическая семантика. Когнитивная лексическая семантика занимает позицию, что когнитивная лингвистика, что лексические единицы (слова) являются концептуальными категориями; слово представляет категорию связанных между собой значений, которые проявляют эффекты типичности. Таким образом, Лакофф утверждает, что слова являются категориями, которые могут быть смоделированы и исследованные с помощью теории идеализированных когнитивных моделей. В частности, Лакофф утверждает, что лексические единицы представляют тип сложных категорий, он называет их радиальными категориями. Радиальная категория структурирована по отношению к прототипу, и различные члены категории связаны с прототипом по соглашению, а не " генерируются " на основе принятых заранее правил. Таким образом, значения слов хранятся в ментальном лексиконе как весьма сложные структурированные категории значений или чувств.

В этом разделе мы кратко представить мнение Лакоффа о семантике *over*, которое оказало большое влияние на развитие когнитивную

лексическую семантику. Мнение Лакоффа было основано на идеях, предложенных в магистерской диссертации Клаудиа Brugman, своего бывшего ученика. Идея фундаментом подхода Лакоффа было то, что лексические единицы, как *over* над собой концептуальную категорию отдельных, но взаимосвязанных (многозначных) чувств. Кроме того, эти чувства, как часть одной категории, можно судить как более прототип (центральной) или меньше прототип (периферической). Это означает, что слово чувствует экспонат эффекты типичности.

В то время как теория Лакоффа из лексической семантики была чрезвычайно влиятельной, тем не менее остается ряд нерешенных проблем, которые привлекли значительное обсуждение.

Например, так называемая 'полная спецификация' вида Лакоффа была подвергнута критике так, как это влечет за собой потенциально огромное распространение разных смыслов для каждой лексической единицы.

Подход Лакоффа предполагает, что *over* имеет, по крайней мере, несколько десятков различных органов чувств. Распространение чувств не является проблематичным по себе, потому что когнитивные лингвисты не имеют отношения к вопросу экономии репрезентации. Тем не менее, отсутствие четких методологических принципов для установления различных чувств, является проблематичным. Лингвисты в более поздних работах (например, Тайлер и Эванс, 2001, 2003) стремятся решить некоторые трудности, присущие подходу Лакоффа, предоставляя методологию для изучения чувств, связанных с лексической категорией.

Когнитивная лингвистика, понимая язык как когнитивный процесс, позволяющий давать объяснения о любых объектах в форме вербализованного их описания (через язык или другие знаковые системы), большое внимание уделяет вопросам семантики, которая, являясь связующим звеном между теорией языка и теориями других когнитивных

способностей (зрительного восприятия, управления мышечной системой и т.д.), никоим образом не может быть отделена от познания. Р. Джакендофф считает, что у человека существует некий уровень ментальной репрезентации, на котором лингвистическая информация совмещается с чувственной (сенсорной, моторной и др.). Этот уровень он называет концептуальной структурой, отождествляя его с семантической структурой. Формирование концептуальной структуры осуществляется с помощью базисных концептуальных категорий, или семантических частей речи, таких, как объект, событие, состояние, действие и др. Эти базисные категории по определенным правилам могут быть расширены в более сложные выражения.

Глобальный вопрос о том, как происходит выбор тех или иных характеристик, которые в совокупности образуют концепт, или прототип, составляющий значение языковой единицы, называющей тот или иной объект или класс объектов, и не менее глобальный вопрос о том, как организуются выбранные характеристики в структуре значения, каковы принципы или схемы структурирования компонентов прототипов, позволяющих людям легко ими пользоваться, несмотря на всю их сложность и диффузность, мыслятся как тесно связанные с проблемой формирования концептуального опыта человека, построения когнитивных моделей, разработки базисных категорий нашего мышления.

Переориентация на изучение языковых структур представлений знаний привела к становлению в лингвистике направления под названием “прототипическая, или когнитивная семантика”. Понимая значение слова как прототип обозначаемого словом объекта, данного человеку в его восприятии, прототипическая семантика исходит из того, что языковой знак, будучи произвольным с точки зрения своего звукового состава по отношению к обозначаемому им объекту (денотату), не произволен как значение. Содержание той или иной лексической единицы включает в себе характерные черты, общие для всего класса физических или психических

объектов, обозначаемых этой лексической единицей. Эти характерные черты образуют знание о прототипических объектах, формирующих наше базисное знание о мире.

Выводы, лежащие в основе этого направления, опираются на результаты психолингвистического эксперимента, где верификация результатов функционального описания языковых единиц осуществляется с помощью контрастивного анализа факторов разных языков. Так, при исследовании основных цветообозначений в различных языках мира были обнаружены общие тенденции в порядке кодирования этих категорий. Объективно выделяемые центры, или фокусы, денотативных областей базисных, основных цветообозначений (их статус как базисных наименований определялся с помощью целого ряда критериев, таких, как простота формы, одинаковая семантическая значимость, широкий диапазон употребления, психологическая релевантность) сходны во всех языках. Языки, таким образом, проводят членение чувственно воспринимаемого цветового спектра не совсем произвольно, и это объясняет во многом как семантические универсалии, так и феномен межъязыковой эквивалентности. Универсальность ядерных характеристик прототипов определяется корреляцией значений слов с чувственно воспринимаемыми свойствами прототипических денотатов, проистекающей из тождества нейрофизиологических процессов восприятия людей и категоризации чувственного опыта.

Концентрируя усилия по выявлению закономерностей языковой концептуализации и категоризации данного нам в чувственных ощущениях мира, исследователи опираются на достижения когнитивной психологии, на изучение процессов формирования прототипов и их типологию, на организацию представления знаний в семантике слова и системе языка. Это привело к выявлению новых принципов структурирования

классификационной сетки языка, появлению возможности прогнозировать состав какой-либо категории определенного языка или культуры.

Как демонстрирует в своей работе Дж. Лакофф, в основе формирования категорий лежат многие типы когнитивных связей, которые выполняют функцию мотивационных факторов в процессе категоризации и образуют в своей совокупности когнитивные модели четырех типов. Среди них выделяются пропозициональные модели, на которые приходится большая часть структуры нашего знания и которые вычленяют элементы с их свойствами и с отношениями между ними, схематические модели образов (такие, как траектория, длинные тонкие формы и т.д.), метафорические модели - модели перехода от пропозициональных или схематических моделей образов одной области к соответствующей структуре другой области, метонимические модели, в которых часть категории замещает всю категорию для какой-либо когнитивной цели.

Следует отметить, что аналогично существованию различных схем организации семантических компонентов значений слов, относящихся к различным концептуальным областям, организация категорий, более сложных, чем слово, определяется также специфическими способами структурирования знания.

Все эти вопросы тесно связаны с организационными принципами, на основе которых знания упорядочены в памяти и которые обеспечивают доступ к ним в случае надобности.

Несмотря на то, что все типы знаний принято подразделять на вербальные и невербальные (лингвистические и энциклопедические), разделяющая их граница в значительной мере условна, что обуславливает необходимость их параллельного исследования. При этом общая информационная база человека должна включать также и эмоциональные впечатления вместе с системой норм и оценок, выработанной в социуме.

Способность человека удерживать в голове информацию о мире и о самом себе, обобщать каждодневный опыт и определенным образом организовывать его требует наличия в ментальной сфере человека определенных оперативных принципов, а информация, получаемая по разным каналам, несмотря на свою специфику, должна каким-то образом интегрироваться. При этом возникает вопрос о правомочности деления памяти на различные виды - моторную, эмоциональную, образную, словесно-логическую.

По мнению Е.С. Кубряковой, “парадоксальность положения заключается в том, что в указанном ряду словесная память противопоставляется всем прочим видам памяти - образной, двигательной, чувственной, что правильно и неправильно в равной степени. Правильно, поскольку, по всей вероятности, все сенсорные виды памяти имеют каждый свои собственные “следы”. Неправильно, ибо по нашему глубокому убеждению, сама словесная или языковая память организует те же элементы чувственной, образной и двигательной памяти в единую систему вербальных анаграмм, где эти элементы уже связаны с языком, вербальной формой их существования” (Кубрякова Е.С., 1994).

По мнению А. Пейвио (Paivio A., 1986), идея отдельных подсистем означает, что границы этих систем четко очерчены с точки зрения как структуры, так и функции. Структурно они различаются в самой природе репрезентативных единиц, их организации и иерархии. Функционально они независимы в том смысле, что каждая подсистема может быть активизирована независимо от другой или они могут быть активизированы параллельно. В то же время они функционально связаны таким образом, что активирующее начало одной подсистемы может быть инициатором активизации другой подсистемы.

Глава II. Методы и приемы лингвокогнитивных исследований

2.1 Спектр подходов когнитивных исследований

В настоящее время наблюдается весьма широкий спектр применяемых подходов и методов исследования языкового материала. Выделяются два основных направления лингвокогнитивного анализа (Попова З.Д., Стернин И.А., 2001).

В первом случае фиксируется какой-то концепт и исследуются все языковые средства его репрезентации. Во втором случае исследователь исходит из языковой единицы и анализирует возможные ее употребления, выявляя семантические признаки.

Основное содержание концепта обычно передаётся в речи какой-либо ключевой лексемой, семантика которой отражает его содержание.

Наибольшую перспективу для лингвокогнитивных исследований предоставляют лексемы, характеризующиеся многозначностью и высокой частотностью употребления, что устанавливается в результате анализа толковых и частотных словарей, а также соответствующих текстов. При этом выявляются все семемы, которые ключевая лексема способна обозначить. Текстовые примеры позволяют порой расширить и иногда скорректировать ее словарные толкования. Этимологический анализ позволяет установить последовательность становления семантических признаков и выявить некоторые звенья развития семантемы, выпавшие в ходе исторических изменений.

Значительное расширение объема признаков концепта может быть получено и при анализе лексической сочетаемости ключевого слова, а также путем построения и изучения его словообразовательного поля.

Особенно обогащает состав признаков концепта построение лексико-фразеологического поля ключевого слова концепта путем выявления синонимов и антонимов, а также установления гиперонима и согипонимов.

Ближе всех к концепту располагаются когнитивные образования, репрезентанты которых, пополняя и уточняя содержание концепта, имеют высокую частотность в речи, общеизвестность и достаточную абстрактность значения. При этом они обычно используются в прямом значении, являются стилистически нейтральными, без эмоционально-экспрессивных ограничений и в минимальной степени зависят от контекста употребления. Здесь же исследуются их антонимы, синонимы, фразеологические единицы, а также сочетаемость с другими лексемами.

Более отдалённые когнитивные образования характеризуются максимальной диффузностью своих признаков, понижением частотности употребления, нарастанием стилистической окрашенности, эмоционально-экспрессивных ограничений, многозначности (вплоть до противоречивости) и зависимости от контекста употребления по мере ослабления связей с центром концепта.

Выявление репрезентантов, объективирующих интерпретационное поле концепта, может производиться путем анализа паремий, афоризмов, пословиц, поговорок, крылатых выражений, притч, а также значительных по объёму публицистических, художественных и научных текстов.

Таким образом, комплексный подход при лингвокогнитивных исследованиях позволяет максимально полно и детально исследовать языковые средства объективации анализируемого концепта и выявить основные элементы его структуры.

2.2. Лингвокогнитивный и лингвокультурологический подход к анализу концепта

Перед тем приступить к анализу концепта *stupid*, нам нужно рассмотреть это сложное ментальное образование – концепт со всех сторон, т. е.: 1) перечислить различные точки зрения в современной лингвистике на это явление; 2) выделить его структуру и составные компоненты и определить нашу трактовку понятия «концепт».

Термин концепт вошел в обиход отечественной лингвистики совсем недавно, в 80-х годах, в основном через переводные статьи, опубликованные в серии «Новое в зарубежной лингвистике». Хотя еще задолго до того, как когнитивистика стала активно его применять, этот термин еще в 1928 году был использован С.А. Аскольдовым, далее продолженная Д.С. Лихачевым.

Понимание концептов в современной лингвистике весьма вариативно. Некоторые ученые отождествляют концепт с понятием, большинство же исследователей разделяют понятие и концепт, который в отличие от понятия включает не только дескриптивные, но и чувственно-волевые и образно-эмпирические компоненты.

В настоящей работе мы исходим из положения неравнозначности этих двух явлений: понятия и концепта. Концепт в его отношении к сознанию намного шире, чем понятие, соотносимое только с мышлением (Карасик 2001).

Антропологическая ориентация современной лингвистики предопределяет междисциплинарный статус категории концепта, который исследуется в двух новых парадигмах: лингвокогнитологии и лингвокультурологии.

Представителями первого направления под концептом понимается «единица ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той

информационной структуры, которая отражает знания и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» (Кубрякова 1996). Другие указывают на то, что мы мыслим концептами (Попова, Стернин 2001). По мнению авторов монографии «Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях» З.Д. Поповой и И.А. Стернина, концепты, будучи идеальными сущностями, формируются в сознании человека из непосредственного чувственного опыта, прямого контакта с предметами, из мыслительных операций человека с другими концептами, из языкового общения, например в образовательном процессе, из самостоятельного изучения и усвоения значений языковых единиц. Чувственный образ кодируется в сознании единицами универсального предметного кода и становится главным компонентом концепта. Вокруг главного компонента с течением времени возникают новые слои – концептуальные признаки. Таким образом, концепт увеличивается в объеме, претерпевает изменения.

Важен также тезис о том, что «никакой концепт не выражается в речи полностью», так как: 1) концепт – это результат индивидуального познания, а индивидуальное нуждается в комплексе средств для своего полного выражения; 2) концепт не имеет жесткой структуры, и поэтому его невозможно выразить полностью; 3) не представляется реальным зафиксировать все языковые репрезентации концепта (Попова, Стернин 2001). Хотя именно благодаря тому, что концепт вербализуется в языке и имеет телесно-знаковую составляющую, он представляет важность для лингвистов.

В рамках когнитивного подхода представляется возможной типология концептов по двум признакам: I) принадлежности: а) концепты могут быть индивидуальными, групповыми (возрастные, социальные) и общенациональными; II) большая вариация представления концептов

сводится к содержательной стороне последнего: 1) мыслительные картинки – непосредственные визуальные картинки – рыба «налим»; 2) схемы (image schemas – образные или топологические схемы) – образы, выраженные менее детально – «дерево» как ствол с ветками или образ реки как ленты; 3) гипероним – обобщенные понятия, например «обувь»; 4) фрейм – многокомпонентный концепт, в котором содержится много ассоциаций, например, «стадион» (месторасположение, устройство, поле и т. д.) или «базар»; 5) инсайты – концепты, имеющие в своей основе функциональную предназначенность, например, «арфа»; 6) сценарий – знание о сюжетном развитии событий, о последовательности эпизодов – «игра», «экскурсия», «поездка»; 7) калейдоскопические концепты – большое количество фреймов и сценариев, сопровождаемых конкретными переживаниями и чувствами (Бабушкин 1996); 8) выделяют также концепты, содержащие конкретно-чувственный образ, например, конкретный телевизор; 9) концепт можно представить, используя мысленную картинку, например, «груша», «холод» и т. п. (в этом случае концепт исследуется через представление – «обобщенный чувственный образ предметов или явлений» [Попова, Стернин 2000: 17]); 10) понятие – концепт, складывающийся из общих главных признаков, возникающий благодаря их отражению и осмыслению (без второстепенных признаков); 11) прототип – концепт категориального статуса, выделяющий (на основе ценностей и жизненного опыта) один член определенной категории, который оформлен в сознании некоего общества как типичный образец класса; 12) пропозиция – наше представление о логических отношениях, образец определенной области опыта, который отражается в глубинной грамматике; 13) гештальт – мыслительная реалья, воспринимаемая не в терминах признакового описания, а как нечто целое, неразложимое, это «концептуальная структура, целостный образ, который совмещает в себе чувственные и рациональные компоненты в их единстве и целостности, как результат целостного, нерасчлененного восприятия ситуации: недискретное, неструктурированное знание» (Болдырев 2001).

Итак, в когнитивной лингвистике концепт, понимаемый как «намеки на возможное значение» и как «отклик на предшествующий языковой опыт человека» (Лихачев 1997), рассматривается с позиции индивидуального смысла в отличие от коллективного. Предметом когнитивной лингвистики является «анализ семантического пространства языка, репрезентирующего тот или иной концепт», исследуется, какие части, слои концепта вошли в это пространство, каким образом они категоризируются, в какой части системы языка проявляют себя (Попова, Стернин 2000).

Анализом концептов в лингвокультурологическом направлении занимаются следующие ученые: (Степанов 1997), (Арутюнова 1999), (Карасик 2002), (Слышкин 2000), (Вежбицкая 1996), (Вежбицкая 2001), (Воркачев 1995), (Воркачев 2001), (Маслова 2004) и др.

Концепт в этом направлении рассматривается и анализируется как единица культуры: «концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека, то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека», «это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру» (Степанов 1997). Культурный концепт – это «многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная стороны» (Карасик 2002).

На наш взгляд, простую и наиболее доступную формулировку понятию концепт в рамках лингвокультурологии дала А. Вежбицкая, определив его как объект из мира «идеальное», у которого есть имя и который выступает в функции отражения культурно-обусловленных представлений индивидуума об окружающем мире «действительность» (Wierzbicka:1985).

По мнению Ю.С. Степанова, структура культурного концепта трехслойна: 1) в любом культурном концепте есть основной актуальный признак (например, «8 марта» является праздничным, нерабочим днём); 2) дополнительный или несколько дополнительных, «пассивных» признаков,

являющихся уже неактуальными, «историческими» (праздник «23 февраля» и «8 марта» актуальны лишь для некоторых социальных групп: первый – для военнослужащих, второй – для представителей феминистического движения); 3) внутренняя форма или этимологический признак, обычно вовсе неосознаваемый, запечатленный во внешней, словесной форме (Степанов 1997).

Ученые отмечают, что существуют как специфические, национальные культурные концепты, присущие тому или иному этносу (Вежбицкая 2001), так и универсальные. В зависимости от этого выделяются и анализируются разные культурные концепты. А. Вежбицкая, сопоставляя культуры через посредство лексики и прагматики, подробно комментирует своеобразие понимания «страха» (Angst) в немецкой лингвокультуре, приписывая решающее значение в формировании этого концепта Мартину Лютеру. Интересны наблюдения относительно запретов и форм запретов в немецкой ментальности (Вежбицкая 2001). Степанов Ю.С. выделяет в качестве культурных концептов *«мир, огонь и воду, вечное, любовь, правду и истину, хлеб, действие, знание, слово, веру, радость, науку, число, счет, письмо, алфавит, закон, цивилизацию, душу, тоску, страх, грех, грусть, печаль, дом, язык»* (Степанов 1997). Авторы серии «Логический анализ языка. Культурные концепты» анализируют концепты *«дом, милосердие, свобода, судьба, память, свое, чужое, истина, время, пространство, движение, образ человека, этика»* (Арутюнова 1991), (Кубрякова 1991), (Вежбицкая 1996), концепт движения.

На основе анализа ключевых концептов поведения А. Вежбицкая выделяет в русской культуре следующие доминанты: относительная неконтролируемость чувств, полное отсутствие контроля за судьбой человека (в отличие от полного контроля судьбы в англо-американской культуре), отсутствие толерантности в моральных суждениях (Вежбицкая 1996).

Концепт *судьба* рассматривается в коллективной монографии под редакцией Н.Д. Арутюновой. В.Г. Гак предлагает список характерных черт судьбы в оппозициях: 1) судьба – воля, 2) постоянство – изменчивость, 3) справедливая – несправедливая, 4) счастливая – несчастная, 5) исправимость – неисправимость (восприятие человеком судьбы), 6) методы противостояния судьбе: активный – пассивный (Гак 1994).

Интересным представляется сравнительный анализ языковых способов выражения концепта *честь* (Слышкин 1996). Как отмечает Г.Г. Слышкин, на основе анализа американских толковых дефиниций, *честь* интерпретируется как высокая репутация, уважение со стороны окружающих и ассоциируется с титулами, наградами ... По мнению автора, исторические корни американского понимания чести берут свое начало от западноевропейского концепта рыцарской чести и изначально связаны с духом соревнования и утверждения своих позиций в обществе, в то время как «древнерусская семья воспитывала своих членов по веками выработанному шаблону, в основе которого лежали религиозные предписания. Понятие *чести* не фигурирует среди христианских добродетелей, а соревновательность чужда идеалу ортодоксального христианства, культивировавшего терпение и послушание» (там же, с.59).

Как нами уже отмечалось, лингвокультурный концепт трехкомпонентен, в отличие от когнитивного концепта. В.И. Карасик и Г.Г. Слышкин в своей статье «Лингвокультурный концепт как единица исследования» проводят четкое разделение между этими двумя понятиями, особо выделяя в составе лингвокультурного концепта ценностную составляющую: «центром концепта всегда является ценность, поскольку концепт служит исследованию культуры, а в основе культуры лежит именно ценностный принцип» (Карасик, Слышкин 2001). Другие два компонента концепта – фактуальный (собственно слово, хранящееся в сознании человека) и образный (невербальный элемент концепта). Основными

положениями авторов по отношению к лингвокультурному концепту являются следующие:

«1. Лингвокультурный концепт – условная ментальная единица, используемая в комплексном изучении языка, сознания и культуры.

2. Соотношение лингвокультурного концепта с тремя названными сферами может быть сформулировано следующим образом: а) сознание – область пребывания концепта (концепт лежит в сознании); б) культура детерминирует концепт (т. е. концепт – ментальная проекция элементов культуры); в) язык и / или речь – сферы, в которых концепт опредмечивается. Таким образом, лингвокультурный концепт отличается от других единиц своей ментальной природой.

Оба направления (лингвокогнитивное и лингвокультурологическое) занимаются концептами, но разница, на наш взгляд, заключается в том, что в первом, лингвокогнитивном направлении делается акцент на познавательной сущности концепта, а во втором – на его культурно-исторической значимости.

С точки зрения Лангакера, Джакендорфа, Лакоффа и Джонсона концепты могут быть выражены разными языковыми единицами – обычными классами предметов или существ (например, *bird*), ситуациями (например, *run*) и индивидуумами (типа George Lakoff). В терминах этих ученых концепт, обладающий свойствами связанности с другими концептами, и, таким образом, погруженный в домены (*domains*- области), описывается понятием профиль-база.

Итак, концепты имеют свое окружение – домен, или множество доменов (*domain matrix*) или, концептосферу (Лихачев 1997).

В данном исследовании, как и в работе (Карасик 2002), под концептом мы будем понимать ментальный конструкт, имеющий образную, понятийную

и оценочную стороны, хранимый в национальной памяти носителей языка и реализуемый в представлениях, знаниях и ассоциациях, выражающих национально-культурную специфику данного этноса.

По принадлежности к людям концепты могут находиться в визуальных, микрогрупповых, макрогрупповых, национальных, цивилизационных, общечеловеческих концептосферах (Карасик 2002), (Лихачёв 1993). Классифицировать концепты можно также по типу дискурса, к которому они относятся, например, педагогическому, религиозному, политическому, медицинскому и др.

2.3. Формы концептуализации действительности

Лингвисты выделяют четыре когнитивные модели (cognitive models) или формы концептуализации действительности, без которых невозможно образование новых понятий и получение нового знания: пропозициональные, образно-схематические, метафорические и метонимические (Лакофф 1988). Пропозиция является «особой оперативной структурой сознания и / или особой единицей хранения знаний в голове человека» (Кубрякова 1996). Являясь одним из особых типов репрезентации знаний, пропозиция передает представления о связях между объектами, об истинном положении дел в мире, будучи смысловым инвариантом высказывания, которое может и должно пониматься (интерпретироваться) однозначно. Толкование фразы «учителям должны повысить жалование» производится в контексте глаголов пропозициональной установки (я знаю, что учителям должны повысить жалование – алетическое понимание; я считаю, что учителям должны повысить жалование – деонтическое понимание).

Образ-схема – это «повторяющийся динамический образец наших процессов восприятия и наших моторных программ, который придает

связность и структуру нашему опыту» (Johnson 1987).

Таковы, например, *схемы, вместилеще, путь, препятствие, процесс, сходство, часть-целое, центр-периферия* (Ченки 1997). По мнению Дж. Лакоффа и М. Джонсона базовые концептуальные структуры опираются на наш физический опыт. Каждая образ-схема описывается в терминах телесного опыта, структурных элементов и базовой логики. Центральную роль в построении радиальных категорий играют трансформации образ-схем, то есть некоторые преобразования, которые переносят образно-схематические значения с одной пространственной ситуации на другую и с пространственных ситуаций на непосредственные. Так как образная схема связана, по теории Дж. Лакоффа, не просто с человеком, а лишь с его пространственными ощущениями и моторными реакциями, хотя есть и «набор абстрактных понятий, который можно отнести к *image scheme* “количество”, “время”, “пространство”, “каузация”, “тождество” и т. п.

2.4. Концептуальный анализ языка

Обзор работ разных авторов, в которых производится концептуальный анализ, показывает, что концептуальный анализ – это не какой-то известный и общепринятый метод экспликации концептов (Арутюнова 1991), (Кубрякова 1991). Скорее всего, такие работы объединены некоторой общей целью, а именно, раскрыть концепт путем интерпретации с привлечением большого объема исторической и культурной информации. И все-таки разные ученые используют разные приемы, которые они называют концептуальный анализ и которые мы коротко попытаемся описать.

Лингвисты указывают на возможное двусмысленное понимание недавно вошедшего в обиход лингвистики и уже устоявшегося словосочетания «концептуальный анализ»: это может быть и анализ

концептов и, своего рода, особый способ научных изысканий, т.е. анализ действительности с помощью концептов. Как они считают, семантическое описание концепта нужно анализировать во взаимосвязи с другими концептами, описывая эти отношения и суммируя все частные толкования. Для этого необходимо составить перечень регулярных и индивидуальных отношений, т.е. тезаурус. Все отношения-функции они предлагают разделить на статические и динамические. Статические делятся на равнозначные (синонимы, символы, метафоры и метаморфозы, изофункциональные слова (например, море, река), оппози́ты-антонимы (грешный – праведный) и иерархические, не включающие в себя родовидовые связи: целое – часть, «объект – внешний атрибут», «объект – внутренний атрибут», мера / числа. Динамические отношения автор также делит на два типа: актантные (связаны с субъектными, объектными, инструментальными отношениями и отношением адресата) и имплицативные, включающие в себя отношения «причина-следствие» (или А ведет к В). Также выделяется локализация – смесь соединения статических (категориальных) и динамических (ситуативных) отношений (локусы).

Важное отличие концептуального анализа от семантического формулирует Е.С. Кубрякова в своей статье «Об одном фрагменте концептуального анализа слова «память»». Семантический анализ имеет соприкосновения с концептуальным анализом, но их конечные цели расходятся. «Если первый направлен на экспликацию семантической структуры слова, уточнение реализующих ее денотативных, сигнификативных и когнитивных значений, то концептуальный анализ предстает как поиск тех общих концептов, которые подведены под один знак и определяют бытие знака как известной когнитивной структуры. Семантический анализ связан с разьяснением слова, концептуальный анализ – идет к знаниям о мире» (Кубрякова 1991).

Концептуальный анализ – это анализ концептов, а всякий анализ предполагает свою методику исследования, свой корпус приемов и подходов, необходимых для достижения поставленной цели. Так как концептуальный анализ связан с исследованием ментальных сущностей, запечатленных полностью или частично в языковой системе, и так как эти ментальные сущности, именуемые концептами, упорядочены (не жестко) в иерархической гипо - гиперонимической системе, мы можем утверждать, что концептуальный анализ есть анализ одних концептов с помощью других.

В.И. Карасик предлагает следующий, согласующийся с вышеприведенным, список шагов при описании концепта: 1) дефинирование; 2) анализ контекста; 3) этимологический анализ; 4) паремиологический анализ; 5) анкетирование, интервьюирование (Карасик 2002).

Таким образом, концептуальный анализ позволяет соединить в себе языковую и культурную семантику слова, разграниченную в прикладной лингвистике в связи с делением на языковую и концептуальную картины мира. Объединение этих двух подходов приведет к адекватному и полному логическому анализу концептов естественного языка.

Как полагают некоторые ученые, концептуальный анализ – это не какой-то конкретный метод, используемый для анализа концептов (Фрумкина 1992), а всего-навсего интуитивный подход в исследовании, связанный с представлениями и жизненными ориентирами исследователя. Р.М. Фрумкина выделяет несколько типов концептуального анализа, разграничивая их по: 1) характеру анализируемого материала (сложные ментальные образования типа мнения, знать и др.); 2) по способу привлечения концептуального фона; 3) по способу привлечения собственно языкового и концептуального чутья, всего опыта исследователя. Автор

явно расположен к концепции А. Вежбицкой, которая, как указывает Р.М. Фрумкина, первая предложила тренированную интроспекцию как способ экспликации концептов (Фрумкина 1992). Заслуга А. Вежбицкой в отношении исследования концептов заключается также и в том, что ученый предложила определенный способ толкования концептов при помощи ограниченного количества примитивов – неразложимых, не требующих дальнейшего разъяснения и понятных всем носителям языка слов («субстантивы»: я, ты, кто-то, и др.; «детерминаторы и квантификаторы»: этот, тот же самый, другой, и др.; «ментальные предикаты»: думать, говорить, знать и др.; «действия и события»: делать, происходить, случаться; «оценки»: хороший, плохой; «дескрипторы»: большой, маленький; «время и место»: когда, где, после и др.; «метапредикаты»: не / нет / отрицание, потому что / из-за, если, мочь; «интенсификаторы»: очень; «таксономия и партономия»: вид / разновидность, часть) (Вежбицкая 1996).

Конструирование метода и путей анализа концепта варьируется в зависимости от исходной позиции, от видения и понимания лингвистического (концептуального) объекта. Под исходной позицией мы подразумеваем, по крайней мере, два современных направления, рассматривающих концепт по-разному. Лингвокогнитология рассматривает концепт как заместитель понятия, как «намек на возможное значение» (Лихачев 1997), т.е. концепт рассматривается как индивидуальный смысл в отличие от коллективного, словарно закрепленного значения. В лингвокультурологии же базовой единицей культуры признается концепт как «многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная стороны» (Карасик 2002). В этой связи необходимо отметить, что эти два подхода не являются взаимоисключающими: «концепт как ментальное образование в сознании индивида есть выход на концептосферу социума, т.е., в конечном счете, на культуру, а концепт как единица культуры есть фиксация коллективного

опыта, который становится достоянием индивида» (Карасик 2002). Другими словами, разница существует в направлении: от индивидуального сознания к культуре (лингвокогнитивный концепт) или, наоборот, от культуры к индивидуальному сознанию (лингвокультурный концепт).

Таким образом, концепт – это сложная многомерная единица и для ее исследования необходим комплекс разных методов и знания разных наук. Поэтому концептуальный анализ можно назвать логическим анализом, имея в виду механизмы и пути собственно исследовательского подхода.

В предисловии к сборнику «Логический анализ языка. Культурные концепты» называются несколько ключей к семантической модели главных мировоззренческих понятий: 1) набор атрибутов, указывающих на принадлежность к тому или другому концептуальному полю; 2) определения, обусловленные местом в системе ценностей и 3) указания на функции в жизни человека (Арутюнова 1991).

Итак, прежде всего нам нужно выделить ряд взаимообусловленных концептов, представляющих собой концептосферу. Каждый концепт имеет свою концептосферу, которая является составным элементом общей концептосферы отдельного человека и всего народа. Данные концептосферы не могут существовать обособленно друг от друга.

Под концептосферой мы понимаем систему языковой и культурной семантики или совокупность семантических, понятийных и ассоциативных полей. Семантические и понятийные поля анализируются на основе дефиниции в словарных статьях и художественных текстах, ассоциативные поля выявляются в ходе психолингвистического эксперимента, который является как бы связующим звеном между языковой и культурной семантикой.

Глава III. Концепт *stupid* на лексическом уровне языка

В нашем исследовании мы ограничились лишь анализом материала на лексическом уровне в связи с обширностью материала.

3.1. Лексико-семантическая репрезентация концепта *stupid*

в английском языке

В английском языке концепт *stupid* репрезентирован приблизительно 200 лексемами, относящимися к разным частям речи: существительным, прилагательным, наречиям и глаголам. Так как английский язык является аналитическим, мы практически не находим в данной лексико-семантической группе однокоренных слов, за исключением некоторых: *dull, dullish; foolishness, folly, foolery*. В данной группе мы находим много сложных двусоставных слов, образованных при помощи префиксоидов, имеющих значение интеллектуальная недостаточность: *dumbhead, dimwitted, brain-damaged* и т.д.

Центром этой лексико-семантической группы являются лексемы *stupid, silly*.

К ближней периферии относятся стилистически окрашенный, разговорные единицы: *anserine, brainless, halfwit, idiot, scatterbrain* и т.д.

К дальней периферии принадлежат слова, обозначающие что-то, не оправдываемое здравым смыслом: *absurd, bosh, fiddle-de-dee, rubbish* и т.д.; слова, указывающие на несерьезное отношение человека к чему-либо: *light-headed, thoughtless, flippant, frivolous* и т.д.

3.1.1. Вербализация английского *stupid* прилагательными и

существительными

Наиболее многочисленной группой является подгруппа прилагательных (111 лексем). За ней следует подгруппа существительных,

обозначающих опредеченный признак (89 лексем). Самая малочисленная подгруппа существительных – группа, обозначающая лица с ограниченными способностями (68 лексем). Лексический состав прилагательных и существительных со значением *stupid* в английском языке следующий:

Прилагательные

absurd; anserine; apish; artless; asinine; backward; birdbrained; besotted; blockheaded; booby colloq.; brainless; brain-damaged; childlike, childish; infantile; immature; cretinous; crass; credulous; daft, daffy colloq.; dense colloq.; dim, dimwitted colloq.; dummy colloq.; soft colloq.; klutzy colloq.; doltish; dopy colloq.; dull, dullish, dull-witted; dumb colloq.; dunderheaded; empty - headed; fatuous; feeble-minded; flighty; flippant.; foolhardy; foolish; frivolous; gawkish ; giddy; guileless; gullible; half-baked; handicapped; hare - brained; headless; headlong; heavy; heedless; hidebound; idle - headed; idiotic; ignorant; ill - advised; illiterate; imbecilic; imprudent; inane; inconsiderate; indiscreet; inept; infatuated; ingenuous; injudicious; insane; irrational; juvenile; light - headed; meaningless; mindless; moronic; muddle - headed; naive; nerdy; nonsensical; oaf, oafish; obtuse; perfunctory; precipitate; preposterous; puerile; rash; reckless; retarded; ridiculous; scatter - brained; senseless; silly; simple; simple - hearted; simple - minded; slow; slowwitted; sodden; soft - headed; sottish; stupid, stupefied; talentless; thick colloq.; thickheaded; thick - skulled; thoughtless; underdeveloped; uneducated; unintelligent; uninventive; unreasonable;

unsophisticated; unthinking ; unwise; vacuous; witless; wooden - headed

СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ

asshole; beef - head; birdbrain; blockhead; bonehead; booby; bumpkin; chump;
 clod; cretin; dimwit; dingbat; dolt; dope; dullard; dumbbell; dumbhead; dumbo;
 dummy; dunce; dunderhead; dupe; fool; gawk; goon; halfwit; idiot; ignoramus;
 imbecile; jackass; jester; klutz; lamebrain; leather - head; little silly; looby; lubber -
 head; madcap; meat - head; mooncalf; natural; nerd; nincompoop; ninny; nitwit;
 noodle; numskull, numbskull; oaf; peabrain; pillock; pinhead; plonker; pot - head;
 prat; right Charlie; scatterbrain; Simple Simon; simpleton; slow, slowcoach, slow;
 thickhead; thicki; turnip; twit; wally, zany.

СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ С ПРИЗНАКОМ ПРЕДМЕТА

absurdity; amentia; artlessness; asininity; backwardness; blindness; boloney; bosh;
 brainlessness; bunkum; carelessness; childishness; cretinism; daffiness; denseness;
 dimness; dim-wittedness; doltishness; dotage; dullness; dumbness; dupery; empty-
 headedness; fatuity; feeble-mindedness; fiddle-de-dee; fiddle-faddle; flapdoodle;
 flippancy; foolhardiness; foolishness, folly, foolery; frivolity, frivolousness;
 hebetude; idiocy; ignorance; imbecility; imitation; imitativeness; immaturity;
 imperceptiveness; imprudence; imprudence; inaneness, inanity; incomprehension;
 inconsiderateness, inconsideration; indiscretion; ineptitude; ingenuousness;
 irrationality; mindlessness; muddle-headedness; naivete'; nitwittery; nonsense;
 oafishness; obtuseness; open-heartedness; preposterousness; puerility; rashness;

recklessness; rubbish; senselessness; senselessness; silliness; simple-heartedness; simple-mindedness; simplicity; simpleness; slowness; stupidity; superficiality; thickheadedness; thickheadness; thoughtlessness; unimaginativeness; unintelligence; uninventiveness; unoriginality; unperceptiveness; vacancy; weak-headedness; weak-mindedness; witlessness.

По приведённым данным можно видеть, что наибольшую по численности группу составляют существительные, имеющие смы “умственно ограниченный” и “нерациональный” (как подгруппы лиц с ограниченными способностями, так и существительные с опредеченным признаком – 157 лексем). Далее следует группа прилагательных (111 лексем), характеризующих людей, события, поступки и т.д.

В английском языке существительные, номинирующие ментальное состояние человека, представляют наиболее разработанную и объемную лексическую структуру. Большинство из них являются синонимами или квазисинонимами и имеют яркую стилистическую окраску. Многие из слов, входящих в данную лексико-семантическую группу в словарях имеют помету «разг.».

В английском языке семантика концепта проявляется и на словообразовательном уровне. Словообразовательные значения глупости имеют такие префиксы, как *un-*, *in-*, *im-*, *ir-*. Данные префиксы указывают на отсутствие определенного положительного или отрицательного качества. Но наиболее продуктивным способом образования слов с данной семантикой в английском языке является способ присоединения к основам префиксоидов, как уже упоминалось выше.

3.1.2. Вербализация английского *stupid* наречиями и глаголами

В английском языке менее многочисленны группы наречий и глаголов, так как многие из них также мотивированы или именами прилагательными, или именами существительными, представляющими этот концепт. Список лексем глаголов и наречий с семой “не способный к серьезной мыслительной деятельности”, репрезентирующие концепт *stupid* в английском языке мы приводим ниже.

Наречия

absurdly; brainlessly; childishly; daffily; dully; dumbly; empty-headedly; fatuously; feeble-mindedly; flippantly; foolishly; frivolously; happy-go-lucky; idiotically; ignorantly; immaturely; imprudently; inanely; inconsiderately; insanelly; imitatively; uninventively; unimaginatively; irrationally; mindlessly; moronically; oafishly; obtusely; preposterously; puerilely; rashly; senselessly; sillily; simple-mindedly; slowly; stupidly; stupidly; thoughtlessly; unadvisedly; unintelligently; unthinkingly; unwisely; vacantly; vacuously

Глаголы

besot

dupe

fool

befool

gawk colloq.

gawp colloq.

Итак, концепт *stupid* в лексической системе языка в отношении плотности (деривационной разработанности) реализуется слабо. Это объясняется характерной особенностью английского языка (отсутствие

флексий, аналитический способ словообразования).

Концепт *stupid* в английском языке репрезентирован лексемами, объединенными семой “не способный к серьезной мыслительной деятельности”. Данная лексема может быть эксплицитной, как, например, в словах *foolish*, *unintelligent*, *jackass*, *hebetude* и, имплицитной, например: *uneducated* (необразованный), *frivolous* (легкомысленный), *juvenile* (юный). В английском грамматическая категория рода отсутствует, и поэтому гендерные различия могут быть только там, где используется аналитическое «сложение» слов (например, *a fool* – дурак, *a fool girl* – дура).

Состояние интеллектуальной недостаточности в английской картине мира по данным словарей связано со следующими признаками: а) животные (*beef-head*, *apish*); б) быстрота восприятия информации (*slow*, *slow-witted*); в) общий образовательный уровень (*uneducated*, *ignorant*, *illiterate*); г) возраст (детство) (*puerile*, *infantile*); д) изобретательность (*uninventive*, *unimaginativeness*); е) мифическое существо (*oaf*); ж) болезнь (*imbecility*, *amentia*); з) логика (*irrationally*); и) страсть, сильная любовь, от которой глупеют (*infatuated*, *mad*); к) физические особенности (*thick-skulled*, *thickheaded*); л) природные предметы (*clod*, *peabrain*, *turnip*); м) артефакты (*pot-head*, *pinhead*); н) обман (*fool*, *dupe*); о) доверие (*simple-minded*); п) беспорядок (*muddle-headed*); р) что-то, не оправдываемое здравым смыслом (*nonsense*, *rubbish*); с) кулинария (*half-baked*).

Значения большинства лексем, обозначающих лиц с недостаточной ментальностью, включают семы, характеризующие поведение и характер человека с отрицательной стороны (*light-headed* – легкомысленный), *thoughtless* – бездумный, *simple* – простой, глуповатый, *rash* – опрометчивый, безрассудный, *reckless* – необдуманный, безрассудный, *flippant* – несерьезный; бездумный, и т.д.) ср.:

injudicious – unwise; ill-judged (неосмотрительный, неблагоразумный, неразумный):

«It is very injudicious to put yourself into such a perspiration» (очень неразумно так много «потеть» над этим делом (Mudfog and other scetches by Charles Dickens);

imprudent – rash, indiscreet (опрометчивый, неблагоразумный) (OALD):

«He believed him to be imprudent and extravagant» (Он считал, что это сумасбродный и неосторожный человек) (Pride and prejudice by Jane Austen);

dunce – slow learner, stupid person (болван, тупица; неуспевающий малоспособный ученик) (OALD):

«Do you take me for a dunce?» (Вы считаете, что я болван?) (Alice's adventures in Wonderland by Lewis Carrol). В основе номинации данного слова стоит английский схоласт-теолог, Джон Данс (Duns) Скотт, который высмеивался за свое негативное отношение к образованию и познанию;

simple – foolish or ignorant; gullible (*am not so simple as to agree to that*) (глупый или невежественный, легковерный, доверчивый (*я не такой дурак, чтобы согласиться на это*)) (OX):

«She has been taught nothing useful, and is too young and too simple to have acquired any thing herself» (Ее не научили ничему полезному, вдобавок она слишком молода и глупа для того, чтобы она могла достичь чего-то сама) (Emma, by Jane Austen);

dupe – a victim of deception; make a fool of, cheat (жертва обмана; обманывать, одурачивать) (OX):

«Halcombe had allowed herself to be duped by Anne Catherick» (Халкомби позволила Анне Катерике одурачить себя) (The woman in white by Wilkie

Collins).

В образовании слов, содержащих сему “ не способный к серьезной мыслительной деятельности ”, широко применяется метафора. Глупый человек сравнивается с животными, с беспорядком, с мифическим существом, с кулинарной продукцией.

Абсолютное большинство лексем концепта *stupid* в английском языке имеет негативную стилистическую окраску, социально маркировано и принадлежит к пласту «оскорбительной» лексики.

Концепт *stupid* в английском языке представлен в большей степени группой имен существительных (все лексико-семантические группы). Вспомнив, что в английском языке существует две номинации концепта, которые представлены через имена прилагательные: *stupid* и *silly*, и что в английском языке в процессе концептуализации действительности (концепта *stupid*) наблюдается тенденция к описанию качества, свойства предмета больше, нежели к обозначению самого предмета.

Минимальное содержание концепта *stupid* имеет следующие в английском концепте присутствуют два основных концептуальных признака: 1) “не способный к серьезной мыслительной деятельности”; 2) “несообразительный”, “медленно соображающий” (на основе анализа ключевых слов).

Итак, по данным проведенного нами анализа словарных толкований мы можем сделать вывод, что в английской языковой картине мира образ глупца включает следующие характеристики: глупый – это тот, кто в силу своей молодости, не обладает необходимым образовательным уровнем и житейской мудростью, поэтому к нему легко войти в доверие и обмануть. Это человек, у которого беспорядок в голове, может быть вследствие

старческого маразма, и поэтому он не способен адекватно и быстро воспринимать и перерабатывать информацию. Под категорию глупых может попасть любой, кто влюбляется и теряет от этого рассудок. Отсутствие способности к мыслительной деятельности может быть результатом врожденной болезни мозга. Категория глупости также связана с нематериальной субстанцией и приложима как к человеку, так и к материи.

Концепт *insane* в английском языке репрезентирован приблизительно 225 лексемами. Существительные представляют наибольшую группу (больше всего существительных с опредеченным признаком – 50 лексем; далее следует группа существительных с признаком лица – 33 лексемы; большим количеством лексем представлена группа существительных, номинирующих места, предназначенные для душевнобольных – 25 лексем).

В силу специфики английского языка в данном концепте мы не находим разветвленной сети однокоренных слов. Каждое отдельное понятие, связанное, так или иначе, с концептосферой ограниченной ментальной способности человека и, в частности с концептом *сумасшедший* выражено отдельным словом, или словосочетанием.

Существенная доля концепта *insane* представлена специальными терминами, относящимися к сфере патопсихологии, олигофренопедагогики: *aberration* (помрачение ума), *hypochondria* (ипохондрия), *cretinism* (кретинизм) и т.д. Мы внесли данную категорию слов в наши таблицы, так как они входят в концепт *сумасшедший* и так как некоторые из них употребляются не в их прямом назначении, а в переносном значении.

Список существительных со значением «страдающий психическим, душевным расстройством» приводится ниже.

Существительные с семой «страдающий психическим, душевным расстройством», репрезентирующие концепт *insane* в английском языке:

Существительные, обозначающие признак предмета

aberration; abnormality; amentia; anility; autism; battiness; complex; compulsion; craze; craziness; cretinism; delirium; delusion; insanity; dementia; derangement; dotage; fatuity; feeble-mindedness; fetishism; fixation; frenzy; fury; hallucination; hypochondria; hysteria; illusion; imbecility; irrationality; kinkiness; lunacy; madness; mania; derangement; nuttiness; obsession; oligophrenia; paranoia; paraphrenia; phobia; psychosis; rabies; rage; ravings, rave; satyriasis; somnambulism; psychosis; psychopathy; schizophrenia.

Существительные, обозначающие сумасшедших

Crackpot; cretin; depressive; fool; fruitcake; headcase; hypochondriac; idiot; imbecile; kook; loon; loony; lunatic; madcap; madman; madwoman; maniac; melancholic; moron; neurotic; nut; nutcase; nutter; obsessive; paranoiac; psycho; psychopath; schizoid; schizophrenic; screwball; sicko; space cadet; space- cake.

Существительные, обозначающие места

acorn academy; bedlam; bin; booby hutch; bughouse; funny house; insane asylum; loony bin; loony school; lunatic asylum; madhouse; mental home; mental institution; nut college; nut farm; nut hatch; paddle cell; psychiatric hospital; psychiatric unit; psychiatric ward; screw factory; silly house; special hospital; special school; squirrel tank

Существительные, обозначающие психические расстройства

crisis, anxiety; attack; of nerves; brainstorm; clinical depression; crack-up; depression; hysteria; melancholia; nervous breakdown; nervous tic; neurasthenia; neurosis; neuroticism; psychoneurosis; shell shock

Существительные, обозначающие людей с психическими заболеваниями

psychiatrist psychoanalyst psychotherapist Word combinations barred-window;

boys; head doctor; headshrinker; mad doctor; shrink; trick cyclist; men in white coats.

Существительные, обозначающие лечение ментальных заболеваний

analysis counselling electroconvulsive therapy (ETS) psychiatric care psychoanalysis psychotherapy shock therapy (or treatment).

Существительные, обозначающие ментальные детериорации

convulsion epileptic fit fit grand mal paroxysm petit mal seizure stroke tonic- clonic fit

Как видно из приведённого материала, в данную лексико-семантическую группу помимо терминов входит довольно большое количество эмоционально-окрашенных, разговорно-просторечных лексем, объединенных семой “страдающий психическим, душевным расстройством”.

В следующих трех группах: прилагательных, глаголах и наречиях, прилагательные имеют большой перевес с точки зрения их численности.

В данной группе мы находим несколько трансформированных корневых морфем, используемых для образования слов с семой “страдающий психическим, душевным расстройством”: *addle-brained*, *addle-head*, *addle-pated*; *crack-brained*.

Также в образовании слов с семой “страдающий психическим, душевным расстройством” участвуют следующие префиксы: *ab-*, *dis-*, *un-*.

Наречия и глаголы в большинстве своем мотивированы прилагательными и существительными.

Список прилагательных, глаголов и наречий с семой “страдающий психическим, душевным расстройством” приводятся ниже.

Прилагательные

aberrant; abnormal; addle-brained; addle-head; addle-pated; alienated; anile; anomalous; bananas; barmy; batty; bonkers; certifiable; crack-brained; cracked; cranky; crazy, crazed; cuckoo; daft; delirious; demented; deranged; dippy; disordered; distraught; disturbed; doited; dolally; dotty; frenetic; frenzied; furious; gaga; half-witted; hung-up; hysterical; idiotic; infatuated; insane; kinky; looby; loopy; lunatic, loony; mad; maniacal; mental; neurotic; non compos mentis; nuts, nutty; possessed; psychotic; screwy; silly; touched; unbalanced; unhinged; wacky; wild.

Глаголы

confuse

dement

derange

madden

rave

unbalance

unhinge

Наречия

abnormally

crazily

dementedly

idiotically

insanely

madly

neurotically

psychotically

Группа прилагательных представлена 61 лексемой. Менее всего глаголов (7 лексем) и наречий (8), репрезентирующих данный концепт.

Анализ лексической организации концепта *сумасшедший* позволяет сделать вывод о его объемности, и о его слабой деривационной разработанности.

Концепт *insane* в английском языке репрезентирован лексемами, объединенными семей “страдающий психическим, душевным расстройством”. Данная лексема может быть эксплицитной, как, например, в словах: *madman* (сумасшедший), *crazy* (свихнувшийся), и имплицитной: *wild* (бешеный), *depressive* (депрессивный).

Концепт *insane* в английском языке реализуется в виде фреймовой структуры. В нем, как и в русском концепте, есть те же категории, или группы слов, имеющих свою «нишу» и связанных концептуально друг с другом: номинации страдающих психическими болезнями и места их содержания. В отношении мест, предназначенных для душевнобольных, интересно отметить, что в количественном отношении в английском языке составляет 25 наименований, следовательно, и их роль в жизни носителей языка намного выше: например: *acorn academy* – желудевая академия, *loony bin* – бункер для сумасшедших, *special hospital* – специальное заведение (больница). То же самое мы наблюдаем в названиях лечащих душевные болезни врачей. Здесь словосочетаний больше чем в русском языке, и этот факт говорит нам также о востребованности и актуальности данной сферы для носителей английского языка, например: *boys* – мальчики, *head doctor* – врач, занимающийся проблемами, связанными с головой, *headshrinker* – психиатр (буквально тот, кто сжимает, суживает голову, ‘головожим’).

Состояние сумасшествия в английском языке осознается по связи со следующими признаками: с кондитерскими изделиями и фруктами (*fruitcake, space-cake, bananas* – псих, кекс с изюмом, банан); с умственной болезнью (*loony, lunatic, idiot* – сумасшедший, лунатик, идиот); с гневом и яростью (*mad, madness* – сумасшедший, безумие); со съедобными плодами деревьев (*nut, nutcase, nutter* – псих, идиот, сумасброд, в основе данных слов лежит образ ореха); с металлическими деталями (*screwball* – сумасброд, в основе номинации лежит болт, шуруп и мяч); с местом (*funny house* – забавный дом); с профессией (*psychotherapist* – психотерапевт); с медициной (*fit, analysis*); с познавательными способностями (*half-witted, cretin* – слабоумный, кретин); с религией (*possessed* – одержимый).

Имя-концепт (ключевое слово) *insane* имеет всего два устойчивых значения, первое собственно сумасшедший, второе – глупый (OALD). Следует, однако, особо выделить некоторые прилагательные с семой “психически неуравновешенный”, отличающиеся богатым семантическим наполнением и развивающие метафорические переносы, ср:

mad – 1. Ненормальный, сумасшедший, с расстроенным умом. 2. Чрезвычайно глупый. 3. Сильно возбужденный, потерявший голову (обезумевший) от чего-то. 4. Разг. злой, сердитый на. 5. Неистовый, бешеный (часто о животном). 6. Буйно веселый (OX, CGSAE). Помимо основной семы, как видно из дефиниций, в этом слове содержатся семы «возбуждение», «злость», «досада», «веселие», «сильное, бурное проявление чувств»:

«Sophia shrieked and fainted on the ground - I screamed and instantly ran mad» (София вскрикнула, и упала на пол – Я также завопила, и в ту же минуту потеряла сознание (буквально, сошла с ума)) (Love and friendship, by Jane Austen);

crazy – 1. Неблагоразумный: You must be crazy to drive in that snow - ты, наверное, не в своем уме, что решился ехать на машине в такой снег. 2. Быть

без ума от кого-либо, сильно любить кого-либо, чего-либо: Lee and John are crazy about skiing – Ли и Джон без ума от катания на лыжах. 3. Сердитый и раздраженный. 4. Как сумасшедший, очень сильно или очень быстро. 5. Умственно больной. (LDAE):

«For obviously a man ought to confess himself crazy before he confesses himself heretical» (Очевидно, перед признанием в том, что ты еретик, необходимо признаться в том, что ты помешался) (Heretics, by G.K. Chesterton).

Группа глаголов является наименьшей группой, реализующей семы «приводить в расстройство», «неистовствовать»:

unbalance – расстраивать физическое или умственное равновесие (OX). «Or, finally, might our awful situation prey upon and unbalance our minds? A group of insane folk upon a dead world!» (Не могло ли, в конце концов, наше ужасное положение терзать нас и расстроить наше умственное равновесие? Кучка безумцев в мертвом мире!) (The poison belt, by Arthur Conan Doyle).

Словарь синонимов Crabb дает следующую дифференциацию семантическому ряду (*derangement, insanity, lunacy, madness, mania*) с классификационным признаком «психически неуравновешенный»: слово *derangement* (психическое расстройство) подразумевает первую степень умственного расстройства. Люди, страдающие данным расстройством, могут не воспринимать только некоторые конкретные области реальности. Часто *derangement* является *временным* расстройством ума, который не может быть использован во всей своей полноте. *Insanity* (умопомешательство) указывает, в целом, на более или менее постоянную болезнь, которая часто полностью излечивается. *Lunacy* (сумасшествие, лунатизм) является сильным проявлением *insanity*. Предполагается, что на больных, страдающих лунатизмом, оказывает воздействие луна. *Madness* (сумасшествие) – восходит к англо-саксонскому *gemadan*, чей корень имеет значение «сильно

поврежденный». Данное состояние отсутствия разума может быть иногда результатом бурной пламенеющей страсти. И, наконец, слово *mania* (мания) – образовано от греческого *mania*, ментальное возбуждение, и обозначает ненормальность (сумасшествие) в ее наиболее неистовом и постоянном проявлении.

Данный принцип (существование градуальных отношений в описанном выше семантическом ряду) однако не относится ко всему концепту *insane*. В другом семантическом ряду с классификационным признаком «ведущий себя буйно» (*madness, frenzy, rage, fury*) также присутствует градация: менее сильное проявление эмоций – сильное проявление эмоций. Однако такой градации во всем концепте не наблюдается.

В английском языке степень проявления эмоций, или «степень» сумасшествия, обозначается аналитическим способом: *a little bit crazy* (немного сумасшедший), *very crazy* (очень сумасшедший).

В данной связи следует отметить, что некоторые слова, в частности, слова с классификационным признаком «ведущий себя буйно», а также некоторые слова, обозначающие людей с нарушенной психикой (*idiot, silly, imbecile, cretin, fool*) могут употребляться как с целью указания на постоянный физический недостаток, так и для обозначения «временного этического» дефекта.

Подводя итог, можно сказать, что концепт *сумасшедший* в английском языке, занимает довольно объемную часть, и имеет широкую образную и понятийную сферы. Английский концепт содержит достаточно много нейтральной лексики, а также терминов, но в своей сути он отрицательно заряжен, и служит для характеристики с негативной стороны людей, событий, поведения т.д.

В содержательный минимум концепта входит два признака: 1) “страдающий психическим, душевным расстройством”; 2) “ментально

ограниченный”.

В английском языке мы наблюдаем процесс детерминологизации, который соединят концепт *insane* с концептом *stupid*. При этом важную роль в прагматическом аспекте играет фактор временного – постоянного проявления описываемого психического состояния.

Итак, образ сумасшедшего по данным английских толковых словарей в английской языковой картине мира вмещает следующие характеристики: сумасшедший – это тот, кто имеет постоянный физический (психический) недостаток, или временный этический дефект, который может выражаться в нарушении социальных норм поведения (гнев, ярость).

Сумасшедшим также может быть человек с низкими интеллектуальными способностями. В английской языковой картине мира отсутствует понятие о сумасшедшем-юродивом как о человеке, добровольно принявшем на себя вид безумия с целью совершения гражданских подвигов, обличения несправедливости и т.п.

3.2. Формирование узбекского *бефаҳм* прилагательными и существительными

Концепт *бефаҳм* вербализуется в узбекском языке различными лексическими средствами. Анализ словарей узбекского языка показал, что существуют две основные лексические группы, которые репрезентируют концепт *бефаҳм*. К первой относятся лексемы, объединенные признаками “с недостаточными умственными способностями, несообразительный”, “с низкими умственными способностями”. Во вторую лексико-семантическую группу включены единицы, имеющие в своем содержании признак “психическое, душевное расстройство”, “духовно неразвитый, ”неумный”, ”недалекий”, ”с узким кругозором”, ”с небольшими познаниями”, “с узкими интересами”.

Концепт *бефаҳм*, по данным словарей узбекского языка, представлен словами *бефаҳм*, *бефаросат*, *калтафаҳм*, *беақл*, *тентак*, *бемаъни*, *эссиз* (*эси паст*, *эси йўқ*), *аҳмоқ*, *жинни*, *савдойи*, *телба*, *девона*, *жиннинамо*, *анқов*, *содда*, *оми*, *тўнка*, *каллаварам*, *галварс*, *ландавур* и др.

Приведём словарные дефиниции вышеуказанных наименований концепта *бефаҳм*, чтобы показать наличие у них найденных признаков.

Бефаҳм Тезда фаҳмлаб ололмадиган, унча-мунчага фаҳми етмайдиган, калтафаҳм, фаҳми йўқ [Ўзбек тилининг изоҳли луғати].

Бефаросат Ақли, фаросати йўқ, унча-мунчага ақли-фаросати етмайдиган; бетамиз.

Калтафаҳм Дарров тушуниб, уқиб ололмайдиган, ақли, фаҳми етмайдиган; фаҳми калта.*//от.*

Беақл 1. Ақли йўқ, ақли қисқа; ақлсиз. 2. Ақл ишлатмасдан, ўйламасдан қилинган; аҳмоқона, номаъкул.

Тўмтоқ 1. Учи ўткир бўлмаган, ўтмас. 2. Кесиб ташланган, кесилган (оёқ, кўл, бармоқ ҳақида). 3. *кўчма с.т.* Ақли, зеҳни унчалик ўткир эмас, тушунчаси чекланган, тор. 4. *кўчма* Мазмуни ёки тузилиши жиҳатидан қусурли; чала-чулпа, чўлтоқ, мужмал.

Уқувсиз 1. Тез англаб, тушуниб ола билмайдиган, уқуви йўқ; дидсиз. 2. Талантсиз, таланти, истеъдоди йўқ.

Тўпори Ўтакетган содда, оддий, гўл.

Анқов 1. Эс-хушини ҳа деганда йиғиб ололмайдиган, гапга ҳа деганда тушуниб етолмайдиган; овсар, эсар. 2. Оғзидагини олдирадиган, гўл, лақма. 3. Хушёр эмас, зийрак эмас; ангров, меров.

Бемаъни 1. Маъноси, мазмуни йўқ; маъносиз. 2. Қуруқ сафсатадан иборат бўлган; бемазмун, беҳуда, бўлмағур. 3. Ёлғиз уйдирмалардан иборат бўлган, ақлга мутлақо сиғмайдиган, ҳақиқатга тамомила хилоф; асоссиз, пуч. 4. Кишига номуносиб, одобдан ташқари; келишмаган, ярашмаган, ярамас. 5. Ножўя, номуносиб, бемаза ишлар қиладиган, қилиқлари ёмон, ярамас, бўлмағур.

Аҳмоқ Ақлий жиҳатдан чекланган; тентак. / Тутуруқсиз ёки ножўя хатти-ҳаракатлар қиладиган ёки уларга йўл қўядиган, бемаъни. / сўк. Ақлсиз, тентак, ярамас.

Тентак 1. Тўғри фикр юрита олмайдиган, ақли норасо, эси паст; аҳмоқ. 2. Ақлдан озган, телба, девона, жинни. 3. *кўчма кам қўлл.* Жиловланмаган, асов, телба.

Жинни 1. Ақлдан озган, руҳий касалликка йўлиққан; телба, савдойи. 2. *кўчма с.т.* Кўнглига келган ножўя, аҳмоқона ишлар, келишмаган қилиқлар қиладиган; думбул. / Ўзини яқин олиб, эркалатиб гапирганда ёки ҳазил тариқасида “тентаквой” каби маънода ишлатилади.

Савдойи 1. Ақлдан озган, телба. 2. Бирор нарса, кимса дардида, кўйида эс-хушидан айрилган, телбалик даражасига етган одам, восвос.

Шайдойи

Телба 1. Ақлдан озган, девона, жинни. / Бирор нарсага, кимсага ортиқ даражада берилган, савдойи, шайдойи./ Телба-тескари, беўхшов. 2. *кўчма поэт.* Жиловланмаган, асов.

Девона 1. Эси паст, телба, тентак, савдойи. 2. *кўчма* Бошига бирор савдо тушган, эс-хушдан ажралган. 4. Гадо, тиланчи. 5. *с.т.* Ўзини яқин олиб ёки эркалатиб гапирганда ёки ҳазил тариқасида “жиннивой”, “тентаквой” каби маъноларда ишлатилади.

Жиннинамо Жиннига ўхшаш, жинни табиат.

Содда 1. Тузилиши, таркиби жиҳатдан мураккаб бўлмаган, оддий. 2. Ортиқча ҳашами, беаги йўқ, жуда ҳам оддий. 3. Ортиқча такаллуф ёки кувлик-шумликни билмайдиган, оддий, камтар, соддадил. / Гўл, лақма.

Оми Саводсиз, ўқимаган, авом.

Тўнка Кесилган ёки синиб тушган дарахтнинг ердан учи чиқиб турган ер остидаги қисми, тўнгак, кунда.

Каллаварам Ўйламасдан, тартибсиз, аҳмоқона ҳаракат қиладиган.

Галварс Калтафаҳмлиқ билан, ўйламасдан иш қиладиган.

Ландавур Ҳеч бир ишни уддалай олмайдиган, лапашанг, ношуд.

Думбул 1. Таъм кириб қолган, лекин етилиб пишмаган (мева ҳақида).
2. Ҳали қотмаган, сутми-қатик бўлиб қолган (дон ҳақида). 3. *кўчма* Ақли камроқ, тентакнамо, девонасифат. 4. Ҳаёт тажрибаси бўлмаган, хом, гўр.

Лапашанг Бирор ишни эплай олмайдиган, бўшашган, шалвираган, ландовур.

Ношуд Қўлидан ҳеч иш келмайдиган, ҳеч қандай ишнинг уддасидан чиқа олмайдиган, эпсиз, эпашанг, лаванг.

В центре данной лексико-семантической группы будут слова, характеризующие умственные способности человека с отрицательной точки зрения, стилистически неокрашенные и наиболее частотные (бефаҳм, калтафаҳм, бефаросат, аҳмоқ, тўмтоқ, савдойи, телба, хавойи, бетайин, енгилтаки и т.п.). Дальше располагаются стилистически-окрашенные, разговорно-просторечные образования (тўнка, каллаварам, галварс, ландавур, восвос, қовоқбош, меров, анқов, овсар, лақма, гўл и т.п.)

Ещё дальше от концепта *бефаҳм* располагаются следующие слова, принадлежащие к словообразовательным гнездам со следующими вершинами: бефаҳм (например, бефаҳмлик), бефаросат (например, бефаросатлик), беақл (например, беақллик), калтафаҳм (например, калтафаҳмлик), аҳмоқ (например, аҳмоқона), тентак (например, тентакнамо), бемаъни (например, бемаънилик), жинни (например, жиннинамо, жиннилик), савдойи (например, савдойилик), телба (например, телбалик), девона (например, девоналик), анқов (например, анқовлик), оми (например, омилик), тўнка (например, тўнкалик), каллаварам (например, каллаварамлик), галварс (например, галварслик), ландавур (например, ландавурлик), содда (например, соддадил, соддадиллик, соддалик и т.п.), енгилтак (например, енгилтаклик), дўлвар (например, дўлварлик), гўл (например, гўллик), анойи (например, анойилик) и т.п. Также в дальнюю периферию входят слова, указывающие на отношение человека к чему-либо (беғам, беташвиш, енгилтак, беғамлик,

бепарволик); лексемы, обозначающие что-то, не оправдываемое здравым смыслом: бемаъни, бўлмағур, бемаънилик, сафсата, тутуриксиз, бехуда.

В образовании номинаций, имеющих сему “неумный, ограниченный, несообразительный” используются следующие продуктивные префиксы, указывающие на отсутствие положительного качества: префикса бе- (например, беақл); аффиксов -лик (например, ақлсизлик), -лар (например, калтафаҳмлар), -гарчилик (например, аҳмоқгарчилик), -кона (например, аҳмоқкона), -чилик, -намо, -сиз (например, парвосиз, миясиз, тутуриксиз), -симон (например, тентаксимон, жиннисимон), -роқ (например, телбароқ), с помощью которых образуются производные слова.

В узбекском языке концепт *бефаҳм* представлен в разных грамматических категориях, таких как существительные, прилагательные и наречия.

Прилагательные со значением недостаточной умственной способности, репрезентирующие концепт *бефаҳм* в узбекском языке –

миясиз (безмозглый); бемулоҳаза (безрассудный); парвосиз (беспечный); бемаъни, тутуриксиз (абсурдный); миясиз, ақлсиз (безголовый); чаласавод (безграмотный); қобилиятсиз (бездарный); бепарво (бездумный); беташвиш, беғам (беззаботный); мазмунсиз (бессмысленный); нўнок (бесталаный); овсар, тўпори, уқувсиз (бестолковый); содда, тўғри, оддий (бесхитростный); хаёлий, бемаъни (бредовый); хавоий, бетайин, енгил (ветренный); довдир-совдир, жинни-тантиқ (взбалмошный); меров, анқов, овсар (вислоухий); калтафаҳм, тўмтоқ (глупый), бемаъни, тутуриксиз (абсурд), лоқайд, бефаҳм, эйтиборсиз (глухой), бачкана, болаларча, гўдакона (детский); одамови, тортинчиқ (дикий); калтафаҳмроқ, тўмтоқроқ (дубоватый), тўнка, каллаварам, галварс, ландавур (дубинноголовый); аҳмоқнаво, тентакроқ, ғалатироқ (дурашливый), тентак, аҳмоқ, эси паст (дурной), аҳмоқкона, аҳмоқларча, бемаъни (дурацкий), тентаксимон,

жиннисимон, телбарок, жиннисанғи, восвос (придурковатый); овсарнамо, аҳмоқона, бемаъни (идиотский), ғўр, хом, ёш, бўз (зеленый); бачкана (инфантильный); қовоқбош, бефаҳм (крепкоголовый); калтафаҳм, бефаросат (крепколобый); лақма, гўл, содда (легковерный); енгилтак, мулоҳазасиз (легкомысленный); анқов (лопоухий); идроксиз, фаҳмсиз (малосообразительный); ақлсиз (малоумный); гўл (наивный); енгилтак (неблагоразумный); оми (неграмотный); калтабин (недалекий); бетамиз (недогадливый); норасо (недоразвитый); тутуриқсиз (нелепый); соддадил (немудрый); илмсиз, билимсиз (необразованный); бефаҳм (непонятливый); беақл, ақлсиз, калтафаҳм (неразумный); мулоҳазасиз (нерассудительный); сусткаш, суст, имиллаган, судралган (нерасторопный); режасиз, бережа (нерасчётливый); келишмаган, бўлмаган, бемаъни (несообразный); ёпишмаган, бемаъни (несуразный); ношуд (неумелый); эпсиз (несообразительный); нўноқ (неспособный); нодон (неуч); калтабин (ограниченный); қолоқ (отсталый); юзаки, енгилтак (поверхностный); телбарок, тентаксимон, жиннисимон, жиннисанғи, восвос (придурковатый); анойирок, анқоврок, соддарок, гўлрок (простоватый); софдил, қўнгилчан, соддадил (простодушный); элқатори, авом, калтафаҳмрок, овсаррок (простой); курук, бемаъни (пустой), каллаварам, қовоқбош (пустоголовый); бачкана (ребяческий); ноқис (имеющий (какой-л.) недостаток, дефектный; скудоумный); иродасиз (слабовольный); ақли паст (слабоумный); телба-тескари (сумасбродный); девона (сумасшедший); телба (тормознутый); анқов (тупой), меров, маъносиз (отупелый), қовоқбош (тупоголовый), бефаросат (туполобый), анқов (тупоумный); калтафаҳм (узколобый).

Существительные со значением недостаточной умственной способности, репрезентирующие концепт *бефаҳм* в узбекском языке, обозначающие опредмеченный признак –

калтафаҳм (глупец), бемаънилик, тутуриқсизлик (абсурдность), саводсилик, омилик (безграмотность); нўноқлик, уқувсизлик (бездарность);

аҳмоқлик (безмозглость); бемулоҳазалик (безрассудство); бепарволик, беғамлик (беспечность); аҳмоқлик, сафсата (бессмыслица), бемаънилик, беҳудалик (бессмысленность); уқувсизлик, калтафаҳмлик (бестолковость); енгилтаклик, енгиллик, бетайинлик (ветреность); сафсата (вздор); ақлсизлик, тентаклик, аҳмоқлик (глупость); аҳмоқчилик (дурость), бемаънилик, тентаклик (дурачество); бемаънигарчилик (ерунда); аҳмоқлик, тентаклик (идиотизм); етилмаганлик (инфантильность); калтабин (легкодум); мулоҳазасизлик (легкомысленность), енгиллик, юзакилик (легкомыслие); олатасирлик (лихачество); калтабин (малоумие); дўлварлик, гўллик (наивность); нодонлик, билимсизлик, жаҳолат, зулмат (невежество); фаҳмсизлик (недомыслие); норасолик (недоразвитость); бемаънилик, тутуриқсизлик, сафсата (нелепость, нелепица); ақлсизлик, калтафаҳмлик (неразумие, неразумность); бемулоҳазалик (нерассудительность); пўстаклик (несмыслие); чекланганлик, камлик, озлик, торлик, қисқалик (ограниченность); қоқоқлик, ғўрлик (отсталость); меров (отупевший); енгил-елпилик (поверхностность); тентаксимонлик, жиннисимонлик, телбасимонлик, жиннисанғилик (придурковатость); соддалик (простота), соддадиллик (простодушие); болалик, бачканаalik, енгилтаклик (ребячество); ноқислик (скудоумие); беақллик, тентаклик, аҳмоқлик (сумасбродство); бефаҳмлик, бефаросатлик (тупость); калтафаҳмлик (узколобость); сафсата (чепуха, чушь).

Существительные со значением с недостаточной умственной способностью, репрезентирующие концепт *бефаҳм* в узбекском языке, названия лиц с умственными ограничениями -

пўстак (несмышленный); меров (отупелый), валакисаланг, тентаквой (балбес); қовоқбош, тўпори (балда); галварс (бездарь, бестолочь); каллаварам (болван); бефаросат, тўнка (бревно); тентак, аҳмоқ (глупец); думбул, эсвос (дебил); тўнка, каллаварам, қовоқбош (дуб); аҳмоқ, тентак (дурак, дура, дурочка); овсар, аҳмоқ, тентак (идиот); баттол, каллаварам (истукан);

хомкалла (лопух); соддадиллик (наивность); ўқимаган, нодон (неуч); хафтафаҳм (обалдуй); такасалтанг (оболтус); нодон (олух); ярамас (осел); лапашанг (пентюх); тўнка, нодон (пень); анқов, лақма (простофиля); ношуд (профан); ковокбош (пустоголов); анқов, меров (разиня); тентак, жинни (сумасброд, сумасбродка); калтафаҳм (тугодум, тугодумка); бефаросат, бефаҳм (тупица).

Абсолютное большинство единиц, входящих в данную группу, составляет пласт экспрессивно-эмоциональных, оценочных, разговорно-просторечных слов.

Среди существительных выделяется группа слов, обозначающих названия лиц умственно отсталых людей. Некоторые из них мотивированы прилагательными, например лақма (простак), калтафаҳм (глупец). Часть лексем возникло благодаря метафорическому переносу: тўнка (дуб), эшак (осел) и т.п.

2.3. Исследование семантики языковых единиц, выраженных наречиями, объективирующие узбекский концепт *бефаҳм*

Лексико-семантические группы наречий далеко уступают прилагательным и существительным. Все лексем, входящие в эти группы мотивированы прилагательными или существительными, относящимися к этому концепту.

К наречиям со значением ограниченной умственной способностью, репрезентирующие концепт *бефаҳм* в узбекском языке относятся –

телбаларча (безумно, неистово), тентакларча (безрассудно); бемаъниларча (абсурдно); ақлсизларча (бездумно); телбаларча (безрассудно); гўдакона, болаларча, бачкана (детский); бепарво, беғам, парвосизларча (беспечно); телва-тескари (бестолково); аҳмоқона, аҳмоқларча (глупо); тентакларча (легкомысленно); нодонларча, жоҳилона (невежественно);

бемулохаза (необдуманно); енгил-елпи (поверхностно).

Заключение

Концепт, являясь мыслительной единицей, отображает своеобразие мышления, которое отражается в языке. На мышление человека оказывают влияние такие факторы, как язык, культура, социум и т.д. Следовательно, как уровень, так и своеобразие мышления зависят от этих факторов.

В современной лингвистике язык представлен не только как система, внутри которой есть жесткая структура и множество ярусов, единиц и т.д., но как весьма важная для человека форма существования знания, в которой отражена действительность.

Именно когнитивный подход позволяет описывать семантику языковых единиц с точки зрения всей суммы знаний, полученных в ходе познавательной деятельности человека, включая и знание функционального использования объекта, и его места в ряду окружающих индивида объектов. В основе когнитивного подхода лежит принцип выявления всех типов знаний, которые заложены в структуре отдельных лексем и их блоков, которые используются в коммуникативной деятельности. Когнитивный подход в анализе языка является одним из продуктивных способов решения традиционной проблемы взаимодействия феноменов языка и мышления. Важным постулатом когнитивной лингвистики является тезис о неправомерности рассматривания языка в отрыве от мышления (как, например, в генеративной грамматике Н. Хомского), которое формируется благодаря как языку, так и культуре. Следовательно, объективность результатов может быть достигнута только при учете как языковых, так и концептуальных характеристик исследуемого объекта. При этом роль культуры в формировании как языкового мира, так и концептуального трудно переоценить.

Важным шагом на пути понимания языка функционирующего стал процесс концептуализации – процесс структурирования в определённой закономерности знаний, взглядов, верований, и т. д., которые «хранит» любой естественный язык.

Эти знания, или информация, содержится в, так называемых, ментальных структурах. Одна из самых распространенных и значительных когнитивных моделей является модель «фрейма». Заслуга когнитивной семантики заключается уже в том, что исследователям удалось эксплицитно описать механизмы «добычи» информации, формы её существования в мозгу, а также способы её интерпретации. Концептуальный анализ, на наш взгляд, даёт прекрасную возможность отслеживать и описывать, так называемые, константы сознания. Концептуальный анализ позволяет соединить в себе языковую и культурную семантику слова, разграниченную в прикладной лингвистике в связи с делением на языковую и концептуальную картины мира.

Концептуальный анализ или логический анализ языка имеет своей целью экспликацию глубинных ментальных структур. Одной из таких структур является концепт, сложное ментальное образование со сложной внутренней структурой. Думается, что недавний «бум» в исследовании всевозможных концептов связан с большим интересом исследователей к «человеческому фактору в языке». Нам интересно узнать то, кто мы и что мы собой представляем. Современная лингвистика через язык «достигает» глубины человеческой сущности, выводя на поверхность то, что скрывается в уголках нашего человеческого естества. Исследование процессов концептуализации и самих концептов поможет человеку, в конечном итоге, лучше понять себя и окружающих.

Базовым источником информации о концепте являются различные лексикографические словари. Они дают возможность определить основное

понятийное логическое и ассоциативное ядро концептов, которое может варьироваться в зависимости от «среды обитания» концепта. В настоящей работе была предпринята попытка описать концепт *Stupid* по данным лексикографических словарей. Перед тем, как суммировать те выводы, которые мы получили в ходе исследования, следует сказать несколько слов об общих закономерностях функционирования концептов, которые мы выделили в ходе исследования. Во-первых, в данной работе было доказано, что концепты имеют многомерную структуру, в которую входят как минимум понятийная, образная и ценностная составляющие. Во-вторых, в разном окружении концепты представлены не одинаковыми именами. Это обусловлено, как мы предполагаем, онтологическими и ценностными характеристиками того окружения, в котором они функционируют. Тем самым, общим выводом в нашей работе является заключение о том, что содержание концептов варьируется в зависимости от того, в каких источниках, в том числе и переводах, и каких типах дискурса они реализуются.

В результате анализа концепта *Stupid* на материале лексикографических и текстовых источников были сделаны следующие выводы:

1) Было установлено, что концепт *stupid* по данным современных толковых, фразеологических, паремийных, синонимических и ассоциативных словарей является как минимум двухслойным концептом, в котором присутствует семантика ядра (глупость) и семантика периферии (сумасшествие). Тем самым было доказано, что концепт «многогранен» и имеет слоистую структуру.

2) При исследовании количественного параметра концепт *stupid*, было выявлено, что в английском языке по данным словарей, в процессе концептуализации действительности наблюдается тенденция к описанию

качества, свойства предмета больше, нежели к обозначению самого предмета.

2) Анализ фразеологизмов концепта *stupid* показывает, что они являются оценочными средствами выражения, соотносимыми не только с умственными, но и с поведенческими, возрастными, психофизическими характеристиками человека, отражающими культурно-мировоззренческие представления народа. Являясь образными средствами, эти единицы выражения в большинстве своем характеризуются экспрессивностью выражения отрицательного эмоционального отношения к объекту оценки.

3) Общими базовыми ассоциациями концепта / *stupid* по данным английских ассоциативных тезаурусов, являются синонимы слова *stupid* – *silly, daft*.

Библиография

1. Kadrlar tayyorlash milliy dasturi: Toshkent 1997, str.35
2. Алефиренко Н.Ф. Фразеологическое значение и концепт // Когнитивная семантика. Часть 2. - Тамбов: Изд. ТГУ, 2000. - С. 33 - 36.
3. Алефиренко Н.Ф. Этноязыковое кодирование смысла и культура // Филология и культура. Материалы III международной научной конференции. - Часть 2. - Тамбов: Изд. ТГУ, 2001. - С. 82 - 84.
4. Ашурова Д.У., Лексикон как отражение национально-культурной специфики языка//2-я международная научная конференция. Язык и культура. 17-21 сентября. 2003 г. - М., 2003 г. -231 с.
5. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. - Тамбов: Изд. ТГУ. - 2001. - 123 с.
6. Болдырев Н.Н. Композиционная семантика как следствие оценочной категоризации мира // Композиционная семантика. - Тамбов: Изд. ТГУ, 2002. - С. 10 - 14.
7. Болдырев Н.Н. Концепт и значение слова // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. - Воронеж: Изд. ВГУ: 2001. - С. 25 - 35.
8. Бондарко А.В. К интерпретации понятия “смысл” // Словарь. Грамматика. Текст. - М.: 1996. - С. 316 - 321.
9. Бондарко А.В. Понятия “инвариант” и “прототип” в системе анализа грамматической семантики // Когнитивная семантика. Ч. 2. - Тамбов: Изд. ТГУ, 2000. - С. 166 - 168.
10. Бондарко А.В. Семантические функции: уровни и аспекты интерпретации смыслового содержания // Композиционная семантика. - Тамбов: Изд. ТГУ, 2002. - С. 7 - 8.
11. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропо-центрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. - 2001. - №1. - С. 64 - 72.

12. Галиева, М. Р. Вербализация концептосферы word/cўз/слово в английской, узбекской и русской языковых картинах мира. Дисс. На соиск. Ученой степени канд. фил. наук. Ташкент, 2010.
13. Гумбольдт, В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества / Гумбольдт В. фон. – Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
14. Демьянков В.З. Когнитивизм, когниция, язык и лингвистическая теория // Язык и структуры представления знаний. - М.: ИНИОН РАН, 1992. - С. 39 - 77.
15. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания, - 1994. - №4. - С. 17 - 33.
16. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. - Воронеж: Изд. ВГУ: 2001. - С. 75 - 80.
17. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. – Л.: 1972. – 216 с.
18. Красных В.В. Строение языкового сознания: фрейм-структуры // Когнитивная семантика. Часть 1. - Тамбов: Изд. ТГУ, 2000. - С. 53 - 55.
19. Кубрякова Е.С. О когнитивной лингвистике и семантике термина “когнитивный” // Вестник ВГУ. - Лингвистика и межкультурная коммуникация. - 2001. - №1. - С. 3 - 9.
20. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Известия РАН. Серия литературы и языка. - 1993. - №1. - С. 3 - 9.
21. Минский М. Структура для представления знания // Психология машинного зрения. - М.: 1978. - С. 249 - 338.
22. Попова З.Д. Компонентный анализ лексико-семантической группы // Язык и национальное сознание. Вып. 4. - Воронеж: Истоки, 2003. - С. 14 - 17.

23. Попова З.Д. Концептуальная картина мира и семантическое пространство языка // Филология и культура. - Часть 2. - Тамбов: Изд. ТГУ, 2001. - С. 118 - 119.
24. Попова З.Д., Стернин И.А. К методике лингвокогнитивного анализа // Филология и культура. - Часть 2. - Тамбов: Изд. ТГУ, 2001. - С. 19 - 23.
25. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. - Воронеж: Истоки, 2001. - 192 с.
26. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. - Воронеж: Истоки, 2002 - 59 с.
27. Попова З.Д., Стернин И.А., Чарыкова О.Н. О разработке концепции языкового образа мира (материалы для обсуждения) // Язык и национальное сознание. - Воронеж: Изд. ВГПУ, 1998. - С. 21 - 23.
28. Расулова М.И. Основы лексической категоризации в лингвистике. - Ташкент: Фан, 2005.-267 с.
29. Слышкин Г.Г. Дискурс и концепт (о лингвокультурном подходе к изучению дискурса) // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. - Волгоград: 2000. - С. 38 - 45.
30. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. - М., 1977, - 101 с.
31. Соссюр Ф. Заметки по общей лингвистике М., 1990.
32. Филмор Ч. Дж. Об организации семантической информации в словаре // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 14. - Проблемы и методы лексикографии. - М.: 1983. - С. 23 - 60.
33. Фреге Г. Мысль: логическое исследование // Философия, логика, язык: Сборник статей. - М.: 1987. - С. 18 - 47.
34. Barsalou, L. Perceptual symbol systems. Behavioral and Brain Sciences, 22, 577–609. 1999.
35. Chomsky N. Language and problems of knowledge. The Managua lectures. - N.Y.: 1988.
36. Chomsky N. Rules and representations. - N.Y.: 1980.

37. Evans, V. The Structure of Time. Language, Meaning and Temporal Cognition. Amsterdam: John Benjamins. 2004.
38. Evans, V. Lexical concepts, cognitive models and meaning-construction. *Cognitive Linguistics*, 17(4), 2006, 491–534.
39. Evans, V. & Green, M. *Cognitive Linguistics: An Introduction*. Hillsdale, NJ: LEA and Edinburgh: Edinburgh University Press. 2006.
40. Fauconnier, G. & Turner, M. *The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities*. New York, NY: Basic Books. 2002
41. Fillmore, C., Kay, P., & O'Connor, M. K. Regularity and idiomaticity: The case of let alone. *Language*, 64(3), 501–538. 1988.
42. Fillmore, C. An alternative to checklist theories of meaning. *Proceedings of the First Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*, 1975. pp. 123–131.
43. Fillmore, C. Scenes-and-frames semantics. In A. Zampolli (ed.), *Linguistic Structures Processing* (pp. 55–82). Amsterdam: North Holland. 1977.
44. Fillmore, C. Frame semantics. *The Linguistic Society of Korea* (ed.), *Linguistics in the Morning Calm*. pp. 111–137. Seoul: Hanshin Publishing Company. 1982.
45. Fillmore, C. Frames and the semantics of understanding. *Quaderni di Semantica*, 1985. 6, 222–254.

Список использованных словарей

Ўзбекча-руссча луғат / С.Ф. Ақобиров ва Г.Н. Михайлов таҳр. ост. Ўзбекистон совет энциклопедияси бош редакцияси. – Ташкент, 1988.

Longman Dictionary of American English. 3rd Ed., 2002. 933 p. (LDAE)

Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. A.S. Hornby with A.P. Cowie, A.C. Gimson. Oxford University Press, 1980. 1037 p. (OALD).

Ўзбек тилининг изохли луғати. 2-т. З.Маъруфов таҳрири остида:-М: “Русский язык”, 1981.